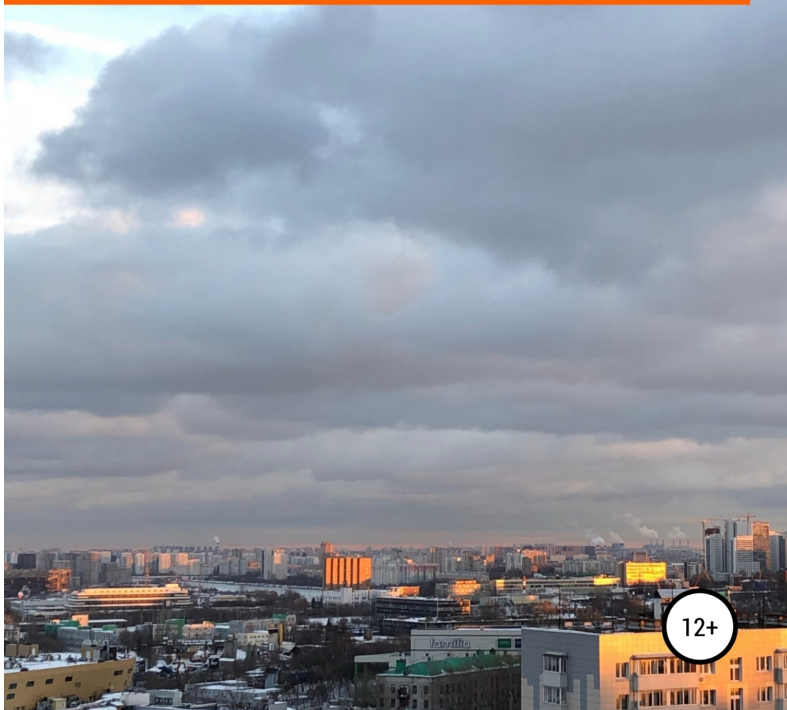

МЭРИ ФОРИНЕР

ЛИГА КРОВИ

12+

Мэри Форинер

Лига Крови

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57880679

SelfPub; 2022

Аннотация

Гликерия живет в мире, где все зависит от касты, к которой ты принадлежишь. Законы города-государства Омега несправедливы, а правит ею тиран – Верховный Судья. Общество поделено на классы. Высшую ступень занимает гвардия Омеги, названная Лигой Крови, про членов которой ходят слухи, будто бы они обладают неестественными способностями – сильнее, ловчее, умнее других. После аварии Гликерия неожиданно узнает, что она – целитель, способный излечить себя и помочь другим. В это же время по городу ползут слухи о новой вспышке эпидемии вируса Вороньей Лихорадки. Сможет ли Лика узнать всю правду о Лиге Крови, Верховном Судье и то, как они связаны с ее отцом? Но ведь для этого ей предстоит заручиться помощью группы повстанцев «Бета» и ее представителя – таинственного М...

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	15
Глава 3.	34
Глава 4.	47
Глава 5.	60
Глава 6.	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Мэри Форинер

Лига Крови

На площади в тот день было настоящее столпотворение. Людей было бы ещё больше, если бы на казнь допускали любых желающих взглянуть на казнь. Он же был крайне взволнован, а когда на площадь вывели ее, почувствовал, как по спине катится холодный пот. У неё были связаны руки, а на глазах была повязка, и он не мог видеть, что выражают ее глаза. Гнев, обиду или ненависть. Но точно не страх. Он знал, что Лайла Фарс ничего не боится.

Ещё он знал, что, возможно, совершил ошибку. Ему пришлось предать ее и все их дело. Он действовал из принципов безопасности. Но он не хотел, чтобы ее убивали.

Но по-другому нельзя.

Лайлу вывели на середину площади, где уже установили виселицу. Вот уже давно на этой площади никого не вешали, но сегодня сделали исключение. Лайла – враг народа. Ей уже множество раз угрожали, обещали наказание и смерть, и столько раз ей удавалось увильнуть. Но не в этот раз.

В этот раз ее предал не кто-то. Ее предал он.

С Лайлы сняли повязку, но руки оставили связанными. Пусть увидит мир в последний раз. На его удивление, ее прекрасные глаза не выражали ничего. Хотя нет, маленький уголёк все ещё тлел в ее взгляде. Уголёк уверенности в себе.

Лайла не испугается смерти.

Ей дано право сказать свои последние слова перед смертью. Ему не терпится в последний раз услышать ее мелодичный голос. Ходили слухи, что своими речами она способно очаровать и убедить в своей правоте любого.

– У меня есть ребёнок, и я прошу его не верить никому. Особенно Лиге Крови.

Все, слова сказаны, и немногочисленные собравшиеся ещё больше разгневаны. Среди людей есть и репортеры, готовые запечатлеть все на камеру или бумагу блокнотов.

Он бы хотел отвернуться и не смотреть на казнь, но не может. Таковы правила игры, в которую у него нет желания играть.

А в голове все звучат ее последние слова. Значит, и она его обманула, сказав, что у неё случился выкидыш и ребёнок умер. Значит, что ребёнок Лайлы ещё жив.

И он обязан ее отыскать.

Глава 1.

Я просыпаюсь в холодном поту. Это уже четвёртый кошмар на этой неделе – чаще, чем обычно. В последнее время мне все чаще и чаще видится во сне мать. Иногда я вижу счастливые, не происходившие в реальности события: как мать отводит меня в школу, как мы вместе обедаем. Но иногда эти сны – ужасающие кошмары. Я вижу, как ее казнят, причём каждый раз методы разные и все более изощренные. Особенно кошмары участились, когда я добыла одну газету и увидела фотографии с места событий – до этого я довольствовалась лишь письменными доказательствами. Но мне не привыкать – моя жизнь всегда была сродни кошмару.

Да, я ненавижу свою жизнь. Моей мечтой всегда было родиться в другой, счастливой и большой, семье, в другом городе где-нибудь на Южном континенте, где круглый год светит солнце, а прохладный морской бриз колышет волосы, пока бежишь по песчаному берегу. Но, увы, у меня нет родителей, и живу я в сотне тысяч километров от Юга.

Сейчас не время отдаваться грустным мыслям. Нужно собираться в школу.

Я очень часто мечтаю о невозможных вариантах своей жизни по дороге в школу – место, которое я без преувеличения могу назвать ужасным. Пусть эти мысли пессимистичны, зато в моих глазах нет той пыли, а в голове не звучат эти

девизы, которыми туманят разум другим ученикам, а также жителям моего города. Тем, кто доволен своей жизнью. В Омеге невозможно быть счастливым, разве что, если ты не стоишь на высших ступенях социальной лестницы.

Но есть и те, кто недоволен, причем, как по мне, преувеличивает своё несчастье. Так, например, многие сверстники из моей школы жалуются на то, что родители их не любят. В это время я думаю, что им стоило бы радоваться хотя бы потому, что родители у них есть и что они являются обыкновенными добропорядочными горожанами нашего города-государства. К слову, моя мать была повстанцем. Она организовала одно из самых масштабных восстаний в городе, за что ее и повесили, публично, на Главной площади при дворе Верховного Судьи. Тетя, с которой я живу по сей день, старается скрыть от меня все подробности о ней и ее смерти. Все, что мне известно о матери, я узнала из новостных газет того времени и учебников новейшей истории.

Об отце тетя рассказала мне больше. Он был ее родным братом, с детства увлекался биологией. Она рассказала мне о его пристрастии к гербариям и насекомым, которых он хранил в их общей комнате. Мой отец – Александр Ритц – был известным биологом, а также врачом. Но и его судьба не была счастливой – он скончался еще раньше матери от вируса Вороньей Лихорадки, опаснейшего заболевания, лекарства к которому ученые так и не нашли. Я никогда не видела отца – его смерть наступила еще до моего появления на свет.

Шестнадцать лет прошло со дня его смерти. Четырнадцать – со смерти матери. Двадцать – с того момента, как нынешний наш правитель – тот, кто косвенно был повинен в смерти отца и казнил мою мать – занял пост Верховного Судьи. Его портреты я вижу на каждом углу по дороге в школу – на больших новостных экранах, на первых страницах газет, на плакатах и даже рекламных щитах. Нынешний правитель – настоящая сенсация. Он единственный, кто удержал в своих руках власть более, чем на три года. Он сумел подавить крупнейшее восстание за всю историю; ему же удалось править так, что новых конфликтов не возникало. Из вышеперечисленного можно подумать, то правит он честно и благосклонно народу. На самом же деле его правление действительно можно назвать тираническим. Жесткие законы, ограничение прав людей, разделение на касты – все это угнетает народ. Они готовы были бы восстать, пойти против, если бы не мощнейшая гвардия Верховного судьи – Лига Крови. О них известно все и в то же время ничего. Ходили слухи, что они обладают необыкновенной силой. Их боялись, их уважали. Их ненавидели за жестокость, их благодарили за защиту. Они были одновременно и защитниками, и врагами.

Я останавливаюсь напротив новостного экрана, где начинается обращение Верховного Судьи. На экране загорается девиз нашего города, а диктор своим громогласным голосом озвучивает их из всех динамиков. Несмотря на то, думаю я, что девизом города-государства Омега были слова «Доста-

ток и работа для каждого – залог крепкой державы», все было далеко не так идеально. И пусть Судья с больших экранов внушает нам, что Омеге удалось добиться равенства между мужчинами и женщинами, взрослыми и еще молодыми, которые равноправно трудились на работах своего класса и получали одинаковую награду, неравенство все же существовало в обществе. Правитель сам поделил нас на касты, а теперь еще и вещал нам о равенстве – парадокс получается.

В кастовой системе семь ступеней. На самой нижней ступени стоят неприкасаемые – самая бедная каста. По одному наименованию можно понять, что они настолько далеки от верхов, что к ним неприятно даже прикоснуться. Неприкасаемые живут в самых темных уголках города: в старых канализациях, заброшенных станциях, которых осталось очень много после начала использования лишь солнечной энергии, а также ветхих домишках, собранных вручную из всего, что попадет под руку.

На ступень выше стоит младший класс, в основном прислужники представителей высших каст, их покорные рабы. Высшие касты дали им оскорбительное прозвище «отщепенцы», которое настолько прижилось, что даже члены младшего и среднего класса его используют. Большинство из них живет скромно, в недостатке. Им приходится очень много работать, но из-за принадлежности к «отщепенцам» они получают не так много за свой труд. Среди них: фермеры, работники рудников, портные, слуги и прочие. Те представи-

тели данной касты, кто не желает отдавать себя физической трудной работе, становятся уличными музыкантами или художниками. Принадлежащие к младшему классу получают лишь начальное образование, а то и вообще остаются необразованными, так что учатся пению, игре на инструментах, собранных вручную, или рисованию самостоятельно. Но и за этот труд получают лишь гроши.

Следующим идет средний класс, или рабочие. Моя каста. «Середнячки» не сильно отличается от «отщепенцев», разве что имеют более престижную работу и зарабатывают немного больше. Также им позволено получить высшее образование, но лишь в том случае, если их успехи будут превосходны.

После находится старший класс, класс предпринимателей и управляющих. А на третьей ступени стоит превосходный класс, но чаще его представителей называют «элитой» или «кучкой богачей». Откровенно говоря, элита – это класс, который ничего не делая получает все. Все свое богатство они получили в наследство. Все что от них требуется, так это держать поместье, разъезжать на приемы и участвовать в телевизионных шоу. «Кучка» живет роскошно – все самое лучшее достается им.

На второй ступени, после высшей, находятся члены гвардии Верховного Судьи, его защитники. Лига Крови, выполняющая роль армии в Омеге, стоящая на ее защите. В народе поговаривают, что так просто в эту хорошо, даже идеаль-

но, обученную команду так просто не попасть, даже выходцам из элиты. Считается, что каждый член организации *не просто человек*. Они обладают несвойственной другим силой, невероятной выносливостью и обостренными чувствами. Многие не верят в эти слухи, считают все вздором, нужным для запугивания народа. Другие говорят, что это люди с неестественной силой. Третьи уверяют, что защитники и не люди вовсе. *Другие* – так про них отзываются.

На верхушке же находится правитель и его семья – единицы на социальной лестнице. НО у нынешнего правителя всего один сын. И он добровольно является членом Лиги Крови. Так что на вершине нашей лестницы лишь один человек – Верховный Судья.

Он как раз закончил свое вещание, все, кто собрался у экранов, разошлись. Я побрела вдоль улочки дальше, к школе. Она располагалась в жутком месте – старом, похожем на замок, поместье из угрожающе темного кирпича. Само здание находилось близко к центру города, ведь когда-то там жил добродушный выходец из элиты, без наследников, завещавший все свое состояние среднему классу. Ходили слухи, что его любовница была из этой касты.

Но это не столь важно; я просто не могу представить, чтобы кто-то смог жить в таком мрачном, вечно скрытом в тени соседних многоэтажек, не просто большом, но и поистине огромном доме, в лабиринтах из узких коридорчиков и вечных лестничных пролетов которого заблудиться – проще

простого.

Мне долго пришлось привыкать, ведь выбор был не велик – или учись, но учись идеально и на самые высшие баллы, или рискуй не получить работы в будущем и оказаться среди отшельников. Каждый год нужно доказывать, что ты достоин, что ты способен учиться и достичь тех же высот, что и высшие касты. Средний класс обучается вместе со старшим, но первых отсеивают чаще, так что из года в год учеников из «среднячков» становится все меньше и меньше. В нашей группе их осталось лишь четверо из сорока поступивших сюда девять лет назад. Это был наш последний год обучения, и все эти десять лет мы были знакомы. До восьмого года мы особо и не общались, но когда судьба распорядилась так, что мы остались единственными среди тех, кто выше нас, у нас просто не осталось выбора.

Вот так – жизнь решила не оставлять мне выбора ни в чем.

Зоя была на год старше меня, и изначально я ее совсем невзлюбила. Высокомерность, эрудиция, идеальность во всем и стремление к цели несмотря ни на что – эти качества вызывали во мне смешанные чувства, но чаще всего ненависть или безразличие. Ее недолюбливали ученики за ее отличные успехи и блистательный ум, во многом лучше их собственного, несмотря на их высокое расположение на социальной лестнице. Ее недолюбливали и учителя: каждый раз, получив низкий результат или замечание, Зоя начина-

ла длинную дискуссию, доказывая свою правоту и, благодаря своей красноречивости и тонкому искусству убеждения, она всегда выходила победителем. Именно это станет первой причиной, почему я ее и люблю – препираясь с учителем, она здорово оттягивала время.

Общаться мы стали внезапно; то ли я первая подошла к ней – сказать спасибо за то, что она потянула время урока, то ли она сама захотела со мной общаться. В общем, пара дней, и мы уже чуть ли не лучшие подруги. Но это была не такая обычная дружба, когда ходишь друг к дружке в гости или шепчешься на перемене, распуская всякие сплетни. Зоя сама назвала это не дружбой, а «союзом». «Нам стоит объединиться, – говорила она. – Мы с тобой последние, кто не настолько высокомерен, как эти *старшие*, и от кого не пахнет потом, как от этих представителей мужского пола».

Представителями мужского пола она называла Артемия и Егора, которые стали нашими единственными друзьями против нашей воли. Изначально ни я, ни Зоя не предавали им особого внимания и старались обходить их стороной. Мы удивлялись, как им, с таким-то поведением, удастся учиться отлично и оставаться в школе. Постепенно мы привыкли к вечным нестандартным шуткам, открытому поведению и смеху парней. Они сами полезли к нам, и вскоре нам пришлось их принять. Мы незаметно сблизились – садились за один стол за обедом, вместе смеялись над шутками, тайно осуждали правительство.

И каким-то небывалым образом эти трое – высокомерная Зоя, неряшливый Егор и нелепый Артемий – стали самыми дорогими людьми в моей жизни.

Глава 2.

Я ненавидела школу с самого первого года обучения в ней, но учиться я любила. Было как-то особенно восхитительно и интересно узнавать что-то новое и загадочное до того, когда учитель все растолкует. Но скорее всего ты сам все вычитаешь из учебника, ибо учителя иногда слишком много болтают, но толком объяснить ничего не могут. Красивые законы математики, где ни одна цифра не бывает лишней, где из каждого действия плавно вытекает другое, и где любая задача в итоге находит свой ответ, главное – правильно ее рассудить или найти нужную теорему. Главное, что обучись ты даже основам математики, самым легчайшим, на первый взгляд, законам, как дважды два – четыре или что значение суммы не изменится, если поменять слагаемые местами, ты получаешь, хоть и мельчайшую, но власть. Выходцы из старшего класса уже не смогут обмануть тебя, когда ты приходишь за едой в пункт раздачи, а они пытаются доказать тебе, восьмилетней девочке, что если в талоне написано про две картофелины для тети и полторы для меня, то в сумме будет две с половиной. До сих пор помню, как тетя злилась. Но меня больше удивило то, что гнев направлен не на меня, а на наше государство. «Сами детей ничему не учат, а потом еще и обманывать смеют!»

В тот же день тетя пошла в школу и неким образом, кото-

рый до сих пор мне не известен, упросила взять меня обратно. Дело было в том, что я пропустила полгода учебы из-за того, что меня выгнали. Тете сказали, что я просто глупый ребенок, неспособный ни на что. Но я помню все иначе. Я помню, как за вечер прочитала учебник до конца, а потом еще и заглянула в «Справочник среднего класса. Основные науки школьного уровня», где нашла еще больше теорем и задач. Читать я очень любила и умела это еще с четырех лет (спасибо тете). На уроке я решила блеснуть своими знаниями и, перебивая учительницу, рассказала о числе π и как находить площадь трапеции. Несмотря на то, что я выбрала наименее сложные, а не те непонятные для детей правила, как синусы и котангенсы, про которые, я уверена, еще сама учительница и не знала, ведь зачем ей знать, когда она учитель начальной школы?, но ее это не поощрило и даже не восхитило. Видимо, ей не понравилось, что какой-то нахальный ребенок умнее ее. Она за шкуру выставила меня из класса, а директору сказала, что я умственно отсталый ребенок, что мне ничего не светит, а уж директор передала эти слова тете. Я так и не рассказала тете правду – может, мне было стыдно, а может, так тете было легче.

Вернувшись в школу опять, я старалась учиться отлично, но не переусердствовать. Я держалась в тени, притворяясь самой обычной ученицей, и получала как отличные, так и средние оценки. Иногда я намеренно делала ошибки, дабы не получать высший балл в классе. Легче это делать стало,

когда себя проявила Зоя – когда она стала первой, и все внимание стало при ней. У меня словно камень с души упал – в притворствах больше не было смысла. Я продолжала ходить в школу, учиться и радовать тетю своими успехами, в то время как моих одноклассников постепенно исключали, одного за другим, за якобы низкие результаты. В самом же деле каждый знал, что это связано вовсе не с оценками, но предпочитал молчать. Иногда молчание помогает сохранить невинность, свободу или даже жизнь.

Здания в центре города высоки – упираясь своими шпилями в небо, они возвышаются над людьми, спешащими по улочкам на работу, выполнять обязанности своего класса. Но школа по сравнению с ними выглядит угрюмым карликом – ее темные кирпичные стены расплзлись в ширину, а не в высоту. Если небоскребы жмутся друг к другу, то от школы они держаться на расстоянии – вокруг лишь ели, чьи иголки окрасились в темно-коричневый цвет от недостатка влаги.

Снаружи холодно и тихо. Слышен лишь вой осеннего ветра. Если на Юге ветер приятно поглаживает кожу (как я прочитала в одной из своих любимых книг), то здесь ветер как с размаху бьет по лицу. В здании школы же иначе – духота, вызванная большим скоплением людей, смесь запахов – от бьющего в нос сильного аромата одеколona до запаха чьей-то еды, – и, конечно же, шум голосов, смеха, болтовни и всего прочего.

Мой самый нелюбимый урок стоит в расписании первым – история города-государства Омега. Учебник настолько пропитан ложью, что руки словно становятся липкими от всего этого вранья. «Создано, чтобы благоухать. Создано, чтобы сделать людей счастливее. Создатели Омеги сделали утопию для нас!» – говорит толстый учитель, Аристотель. Его живший в древние времена тезка точно был бы недоволен таким отношением учителя к прошлому. Меня удивляло, с какой детской наивностью он верит во все то, что пишет ему Министерство Образования Народа. Что якобы не существовало на земле еще государства, подобного Омеге. Что люди были глупы и не понимали всего смысла жизни. Что они не знали, как «правильно» жить. «Наши предки бесполезно тратили ресурсы! Они не жили в согласии, что каждый получает то, чего достоин, и были алчны, ведь брали то, чего хотели. Они сами нарывались на войну. Теперь же каждый получает по заслугам! Нам хватает еды, ресурсов, денег. Мы не развязываем войн, не убиваем невинных. Мы живем за стенами в изоляции от тех, кто не согласен с нашей идеологией. Преступность практически искоренена. Мы не изучаем истории до Омеги. Омега – вся наша жизнь! Наше прошлое, настоящее и будущее».

Отчасти Аристотелю можно верить. Конечно, все последствия верны, но цена, которую пришлось заплатить, невероятно высока. Пришлось избавить многих от увлечений из-за того, что это потехи не для их класса. Ерунда, – махнут ру-

кой люди. Но я скажу – пришлось лишить людей права выбора. Мы идем на нелюбимую работу, трудимся и получаем гроши, в то время как ленивая элита наслаждается продуктами нашего труда. Мы сидим в заточении стен города и миримся с судьбой. А если идешь против – становишься изгоем. *Неприкасаемым...*

– Вечно у тебя кислое лицо, – восклицает Зоя, становясь рядом со мной напротив доски с расписанием. – Чего опять? Историю вместо любимой биологии поставили?

– Ты же знаешь – равнодушие к биологии и ненависть к Омеге у меня в крови, – отвечаю я.

Я стараюсь не спать на парте. Но голос Аристотеля звучит как колыбельная.

Омега была на грани кризиса. Верховные Судьи менялись один за другим. Войны Империи Лин уже подступали к Омеге, тогда еще не защищенной стенами. Судья не знает, как выбраться из ситуации. Император Лин предлагает заключить торговый договор. По его условию Омега должна стать поданным Империи Лин. Верховный Судья понимал – либо превратить свое государство в колонию чужой Империи, либо остаться свободными, но продолжать терпеть кризис. Он выбрал меньшее из двух зол. Потерпев отказ, Император отказался воевать, развернул войска и ушел. Верховный Судья назвал его «трусом» и посчитал, что угроза миновала. Той же ночью он был отравлен шпионами Импе-

ратора.

По завещанию Судьи на его место должен был встать один из сыновей. У него было уже взрослых два сына; оба так же убиты шпионами. К власти приходит один из приближенных, такой же трусливый и неспособный поддержать порядок в стране. Но тут, словно чудом, узнается, что у Судьи был один внебрачный сын. Так как в Омеге воля Судьи является священной, она обязана быть исполненной любой ценой. Народ поднимается на очередное за тот период восстание и идет против сидящего у власти и отказывающегося отдать своё место Судьи. Восстание приходит к победе. Внебрачный сын Судьи занимает свое почетное место, лишается своего имени и прошлого, становясь Верховным Судьей.

Кризис подходит к концу. Издаются новые законы. Появляются четко указанные права и обязанности каждого класса. Рабочие младшего класса отправляются на границу с заданием воздвигнуть стены для защиты от внешнего мира, а главным образом от набегов Империи Лин. У среднего класса появляется возможность закончить школу, а значит и право на новые должности. Изначально тайно, а затем уже публично создается Лига Крови. Проводится перепись населения, появляется база данных, куда внесены каждый гражданин, его место жительства и работы, родственные отношения и так далее. Агентами Лиги Крови устраняются все шпионы Империи Лин и незаконно пре-

бывающие в Омеге. Устанавливается жесткий контроль за всеми жителями. На каждом углу появляются камеры, дено и ночью наблюдающие за порядком внутри города. Теперь Верховный Судья видит все. И всегда готов защитить нас от любой опасности. Как защитил позже от крупнейшего восстания, но об этом на следующем уроке.

Звонок, как будто так и планировалось, звучит точно по окончанию речи историка. Все встают со своих мест, быстро собирают свои разбросанные по партам вещички, как пеналы с ручками и карандашами и учебники, и покидают класс. Я в полудреме сгребаю в рюкзак вещи со своего стола, даже не посмотрев, и следую за толпой. «Запрещено бегать по коридорам!» – орет тощая как столб дежурная, когда двое парней решают наперегонки добежать до класса алгебры, расположенном ровно на другом конце длинного прямого коридора. Вновь раздавшиеся голоса, шум, жизнь, бурлящая в коридоре, – все это окончательно отгоняет меня ото сна. Зоя берет меня под руку и что-то говорит, но я не разбираю, что именно. Судя по ее смеху, то была шутка, и я улыбаюсь, словно расслышала.

Уроки идут то быстро, то медленно. Факт: когда смотришь на часы, стрелка движется со скоростью черепахи, но стоит не обращать на них никакого внимания, сам не заметишь, как пройдет не один час. По урчанию своего желудка я понимаю, что близится время обеда. После звонка мы сразу идем в столовую и занимаем наш обыденный стол – в самом уг-

ду. Мы с Зоей предпочитаем есть в молчании, но это тяжело сделать в компании Артемия и Егора. Сначала они обсуждают новую стрижку учительницы по химии, которая действительно выглядела как после неудавшегося эксперимента – взрыва после смешивания двух чрезвычайно сильных реактивов. На самом же деле она, возможно, была сделана самой учительницей тупыми ножницами в темноте тесной кухоньки, ведь ей просто не хватало средств на поход в парикмахерскую.

Егор был низкого роста шатен, которого до его знакомства с Артемием все считали поистине скромным и неприметным. Весь его потенциал раскрылся лишь благодаря Артемию, балбесу по характеру, но вполне умному блондину с глазами цвета сосновой рощи. Они были полными противоположностями, но вместе дополняли друг друга и смогли стать почти что единым целым. Иногда они мне очень нравились и могли легко меня рассмешить, реже – вызывали у меня раздражение. Сегодня, к их сожалению, у меня было то редкое настроение, когда я готова была запустить в одного из них свой поднос с едой.

Размазывая по тарелке картофельное пюре, к котором было ни грамма настоящей картошки, я старалась оставаться спокойной и не подавать вида, что я не слушаю, о чем говорят парни с Зоей. Артемий рассказывал что-то про свою двоюродную тетю, которая снова вышла замуж, в этот раз за представителя *старшего класса*. Он упоминал марки ма-

шин, названия районов Омеги и каких-то страусов. Я задумалась, сколько же людей в Омеге не получают по заслугам. Фермеры *среднего класса* трудятся на огромных полях на окраинах города-государства, пашут, сеют, ухаживают за посевами, в том числе и за картофелем. Вечером эти фермеры сидят над маленькой мисочкой пюре из каких-то веществ, идентичных картошке, но ею не являющихся, (каких именно уточняйте у нашей учительницы химии, она любит подискутировать на эту тему), в то время пока выращенный ими картофель медленно стынет на тарелках элиты, которые в тот день сидели дома и ничего не делали...

– А ты, как, за? – голос Артемия прерывает цепочку моих мыслей. Я не понимаю, о чем он спросил, поэтому уточняю:

– А что за вопрос?

– Они собрались поехать куда-нибудь на выходные, – объясняет мне Зоя. – К Артемию родственники приезжают, а он их терпеть не может, вот и решил сбежать.

– Не сбежать, а предложить вам приятно провести выходные дни!

– Ты сам говорил, как этот твой новый дядя запугивал тебя, как ты его теперь боишься!

Егор в это время жевал, а затем, громко сглотнув, прервал их спор:

– Как насчет Заповедника Трех Птиц?

– Хорошая идея, – соглашается Зоя. – Но как мы туда доберемся?

– Я думал, пешком...

– Думал он! Ты хоть знаешь, насколько он далеко?

– Можно и на машине, – предлагает Артемий.

Все трое смотрят на меня. Из всех нас только у моей тети есть машина. Старая, маленькая, пыхтящая, но все же транспорт. Я понимаю, что последнее слово за мной.

– Если тетя согласится.

– Ты же постарайся ее уговорить, несмотря ни на что? – смущаясь, спрашивает Егор.

– Ага, даже если температура будет под сорок, она вас повезет. Гарантирую!

Заслышав сарказм в моем голосе, Зоя бросила на меня строгий косой взгляд.

– Слушай, ты, как всегда, наш последний шанс, – с неожиданной мольбой в голосе сказала она. – Я не вытерплю еще два дня со своими патриотами-родителями. Артемий не хочет даже видеть своих *высшего класса* родственничков. Егору просто скучно.

Что-ж, все, как обычно, зависит от меня.

Я киваю, затем вновь опускаю голову и встречаю перед лицом тарелку. Настроения совсем нет. Меня уже начало воротить от вида лишь так называемой «еды» в тарелке, звона вилок и ножей, шума, который смолкнет лишь после звонка, когда у учеников не будет выбора, кроме как заткнуться и слушать учителя. Я предложила выйти из столовой, к чему Егор отнесся с недовольством:

– Я же еще не доел!

– Болтать меньше надо было, – отвечаю я жёстче, чем следовало бы.

– А ты чего такая злая? – по-ребячьи спрашивает Артемий.

Не давая мне вновь съязвить, Зоя встает, со скрипом отодвигая стул. Этот лязг заставляет замолчать всех за нашим столиком. Она говорит, что сегодня я не в настроении, и, взяв меня под руку, уводит из столовой. Уходя, я слышу, как Егор спрашивает Артемия: «Это же не значит, что мы никуда не поедем?».

– Что-то случилось? – спрашивает Зоя, когда мы выходим.

– Нет. Ты права – я просто устала.

– Поменьше проявляй свои эмоции, пожалуйста. Я все-таки хочу поехать в этот зоопарк на выходных.

– Ладно, прости, – мягко отвечаю я, и на лице у Зои появляется улыбка.

Но у меня появляется некое странное предчувствие, словно что-то должно вот-вот произойти. Что-то странное и невообразимое. Или ужасное. И я не рискую сказать об этом своей подруге.

Перед тем, как идти по домам, мы стоим во дворе школы. Артемий и Егор поняли меня, а я, в свою очередь, извинилась за столь грубое поведение. «Да все нормально, с кем не

бывает», – лишь махнули рукой парни. Обида почти сошла с их лиц.

Погода немного развеялась, тучи стали менее грозными, – можно было спокойно идти домой, не рискуя намокнуть. Но один случай заставил учеников школы немного задержаться. Зрелище. Ну кто из подростков нашего возраста, живущих лишь в порядке и дисциплине, не захочет посмотреть на драку.

Как ни было бы это странно, парни из *старшего класса* бьют своего же. Причина может быть любой – парень мог сказать что-нибудь грубое в адрес ныне его избивающих, либо между ними произошел спор, либо они что-то не поделили и так далее. Причин масса. Но толпе не важно. Им важно посмотреть на саму драку.

Заслышав вскрики и шум, наша компания присоединилась к толпе, посмотреть, что происходит. Меня удивляло, почему никто не приходит парню на помощь. Почему учителя это позволяют? Где вообще они? Вон, один-единственный учитель физической культуры стоит в стороне, любит. Почему никто не следит за порядком? В Омеге камеры везде, жесткий дневной и ночной контроль. Почему этим парням позволено пинать и колотить свернувшегося в клубок и закрывшего голову руками одноклассника? Явно, что такого рода вопросы из всех зрителей волнуют только меня.

Остальные подбадривают обидчиков. Я, Артемий, Егор и Зоя стоим молча. Егор шепчет:

– А разве так можно?

– Что ты, нельзя конечно! – так же шепотом отвечает ему Артемий.

– Почему же никто ничего не делает? – озвучиваю я свой вопрос.

Зоя пожимает плечами. Парни продолжают молчать. Крики и вопли не умолкают. «Бей его, бей!» – визжит толпа, словно так и нужно.

– Нам остается только смотреть... – наконец говорит Зоя.

Драка заканчивается, и все расходятся. Артемий и Егор отступают вместе с толпой и уходят. Мы с Зоей, словно в оцепенении, продолжаем стоять на своих местах. Парень, подвергшийся избиению, продолжает лежать, никем не трогаемый. Толстый мальчуган в очках, который глазел на происходившее стоя в сторонке и жуя яблоко, кинул свой облюбованный огрызок в лежащего. Увидев, как мы с Зоей поморщились, он сказал:

– Парень заслужил!

– И чем же? – интересуется Зоя.

– А вы не знаете? Он же, сын этого... как его... Данила Какого-то Там! Который партизан, убийца и преступник. Член шайки повстанцев. Сейчас вспомню название...

– И что? – вмешиваюсь я. – Ты наверняка знаешь, что в Омеге давно действует закон: «Дети не причастны к деятельности своих родителей. Детей легко переучить. Взрослых –

никогда».

– Да не в этом-то суть. Сынишка по стопам родителя пошел. Сегодня под свою рубашку надел футболку с надписью «Омега не выдержит – падет!», раздавал листовки с приглашением присоединится. Вспомнил! Он член этой шайки, со странным названием таким: «Альфа».

Меня словно кольнуло в сердце. Перед глазами встала картина: я на коленях в спальне. Два года назад. Тетя на кухне, тихо решает sudoku под шум телевизора – там началась очередная глупая передача. Я ныряю под кровать, сквозь темноту стараясь разглядеть приклеенную скотчем снизу папку. Аккуратно оторвав скотч так, чтобы можно было приклеить обратно, я достаю ту самую черную папку. Внутри – газетные вырезки, статьи из журналов, – словом, все, где упоминаются мои родители. Оттуда я достаю газетную страницу, что недавно подобрала на улице. «Четырнадцать лет, как мы победили зло», – гласит заголовок. Там рассказывается о повстанческой группировке «Альфа», огромной команде, сумевшей временно захватить Башню Президента (и власть в придачу). На фотографии изображена женщина – предводитель группировки. Она в наручниках, робе для преступников, с повязкой на глазах. Но это не мешает мне ее узнать.

Моя мама.

– Группировки нет уже как шестнадцать лет, – говорю я. – Их всех истребили.

– Не всех! – восклицает паренек. – Телик надо смотреть!

– Извини, не занимаюсь этим глупым делом.

– Мальчик прав, – вступает Зоя. – Было много попыток воссоздать группу. Большинство из тех, кто поддерживал эту идею, было лишь фанатиками, увлекшимися чтением книг и статей об «Альфe». Но среди них были и те, кто входил в первоначальный состав. Данил Славский был как раз одним из них.

Славский-младший издал стон, будто бы напоминая о себе. Я вспомнила, с каким недовольством приняло повстанца общество. Нынешнее поколение с детства учат ненавидеть тех, кто предал Омегу. Все не просто было не против избивения, как раз наоборот – даже рады тому, что изменник был унижен и побит.

Но он до сих пор был жив – член группы, созданной мной матерью. А значит, последняя ниточка, помимо газет и книг, способная связать меня с нею.

Я не знала, что хочу от него узнать. Почти все о матери мне было известно. Вряд ли он знал большее – сам, наверняка, узнал о ней из газет, в добавку еще и рассказов собственного отца. Я в полубреду подошла к нему, опустилась на корточки. Мне еще ни разу не приходилось вживую видеть раненого, а тем более, избитого на моих глазах, человека. Зоя с пареньком ошарашено смотрели на меня. Второй был весь заинтригован тем, что же я собираюсь делать.

– Ты живой? – с такого странного вопроса начала я.

– Дышу вроде... – прокряхтел он. Когда он поднял лицо,

оно все было измазано кровью. – Что тебе нужно? Произдаться?

– Разве я похожу на такую, как те парни, что тебя побил? – поинтересовалась я.

Он еле-еле покачал головой.

Я не знала, как завести разговор. Парень не был мне ни противен, как другим, ни приятен. Я аккуратно положила руку ему на плечо, предложила помочь встать. Он отказался. Не хотел даже в таком состоянии выглядеть слабаком.

– Я подожду, пока боль утихнет и пойду домой, – сказал он. – Так чего ты от меня хочешь?

– Просто ответь на один вопрос, – я не убирала руки с его плеча – может, так он больше мне доверял (паренек в очках, кстати, скривился). – Что тебе известно о Лайле?

– Той, что организовала *то самое* восстание? Немного.

– Мне нужна любая информация.

– С чего мне тебе что-то рассказывать?

Мне самой было мало известно о матери и о ее восстании. Я знала, что она тайно ходила по *пунктам выдачи* (тогда их называли кафе или столовые) и раздавала листовки.

– Я тоже не очень-то доверяю правительству Омеги, – сказала я, не зная, как ещё выудить из него хоть что-то

Он промолчал, и я собралась уже убрать руку и уйти...

– Мой отец был поэтом, но его поэзию не признавали из-за принадлежности к низкой касте, – начал он, когда я уже потеряла всякую надежду. – Тогда он узнал о Лайле и ее груп-

пировке – «Альфе». Он помог ей пропагандировать идеологию «Альфы» – через стихотворения и статьи. За это его казнили. Меня забрал к себе его двоюродный дядька, предприниматель. Теперь вот я получаю то, о чем отец не мог и мечтать.

Я смотрела, как в рассказе отражаются все его чувства – от сентиментальной тоски до ярости к городу, где он жил и где был убит близкий ему человек. Также я видела, как с каждым словом ему становилось лучше. При упоминании имени моей матери у меня душа уходила в пятки, а в глазах парня загорались искорки жизни. Моя рука никуда не делась – покоилась у него на плече. Вот он уже сидел; оплывший глаз словно начал приходить в норму, а царапины затягивались. Почувствовав что-то, он ухватился за свой бок. Резко одернув мою руку, он вскочил. Зоя с мальчиком удивились не меньше, чем я.

– Что ты сделала? – в его глазах мелькнул ужас.

– Я? – мне было непонятно, о чем он говорит. Непонятно, что, собственно говоря, произошло.

А он уже бросился бежать в сторону ворот. Но там был встречен гвардейцами Лиги Крови. Надев наручники, они повели парня прочь.

– Что это было? – спросила у меня Зоя, когда я поднялась с колен.

– Не знаю.

Вместе с непониманием я чувствовала разочарование.

Этот разговор мало чем мне помог. Я так и не узнала ничего нового о моей матери.

Оставив ошеломлённого толстячка, который наблюдал за нами все это время, мы с Зоей пошли в сторону ворот. Остановились, чтобы попрощаться. Паренек со своего места смотрел на нас, как на чудовищ небывалых. Нет, не на нас. Только на меня.

– Это правда? То, что по телевизору говорят о повстанцах? – спрашиваю я у Зои. Она знает, что я, в отличие от сверстников, не трачу своё время на просмотр телевизора.

– Пару раз говорили, что они вроде как хотят вновь воссоздать свою группу. Но ты же знаешь, Судья не хочет беспорядков, поэтому нам внушают, что это якобы только слухи.

. – Не скажешь никому? О том, что случилось. И что я у него спрашивала. – Зоя была единственной, кто знал про мою мать, про то, что та была повстанцем. *Тем самым повстанцем.*

– Конечно. Но за него не ручаюсь, – она обернулась на паренька в очках, но его уже и след простыл.

Мы обнялись на прощание и отправились по домам, каждая в свою сторону. Я старалась выбросить произошедшее из головы. Но по спине продолжали бежать мурашки. Я обернулась. Улица была почти-что пустой, а в самом конце...

Я повернулась обратно и побежала. Обернулась еще раз, проверить, не бежит ли он за мной. Нет, он оставался на своем посту. Ровный как палка гвардеец Лиги Крови. Он про-

вожал меня взглядом разноцветных глаз.

Глава 3.

– Когда-то у меня была мама. Ее убили. А еще у меня был папа. Он тоже умер, но его убил вирус. Сейчас у меня есть только тетя.

– А как зовут твою тетю, малыша?

– Я зову ее просто тетя. Вроде, ее зовут Элис.

– А фамилия?

– Не помню.

– А свою фамилию ты помнишь?

– Все зовут меня просто Ликой. Можно мне пойти домой?

– Конечно...

Я многократно обращаюсь, чтобы убедиться, не следует ли агент Лиги Крови за мной, шестилетней девочкой, но он идет совершенно в другую сторону. Он еще множество раз явится ко мне в кошмарах, спрячется в темных уголках моей комнаты и будет глядеть оттуда своими разными глазами – одним зеленым, и другим – черным.

Все свои пятнадцать лет я живу с тетей. Она высокая, в меру худая, с коротко подстриженными темными волосами. Нас трудно назвать родственниками – мы совсем не похожи друг на друга. Тетя говорит, что я пошла в мать, от того и различие.

Тетя является членом *средней* касты, а сама работает пекарем. Ее мечтой было открытие собственной пекарни, но принадлежность к низкой касте не давала прав на это. «Только представь – маленькая лавка на углу улицы с огромной вывеской: «БУЛОЧКИ ДЛЯ ВСЕХ». Я бы готовила и продавала различные изделия, приготовленные по *моим* рецептам, по разумной цене, чтобы могли купить не только эти богачи, но и *отщепенцы*».

Это была одна из тайн тети – где она научилась готовить. Но этой тайной она со мной поделилась. Она говорила, что их семья изначально жила не в Омеге, а в другой стране, что была к югу. Отсюда и этот смуглый цвет тетиной кожи, роскошные волосы, которые пришлось подстричь, дабы не выделяться из толпы, и темные, почти черные глаза, казавшиеся двумя безднами. Та страна, где она выросла, была очень маленькой, но не стремилась ни к чему большему, а ее жители продолжали мирно существовать, не развязывая ни к кем войн и предлагая жить мирно. Там царили мир и равенство. Каждый работал там, где захочет – нужно лишь выучиться на эту специальность, получал за это приличную, честную зарплату. Там не было талонов. Эта страна была почти что утопией. Возможно, из-за этого и оказалась слаба. Родина моих отца и тети была разгромлена Империей Лин. Моим родственникам удалось бежать с группой других людей. Омега тогда еще была открыта миру, и после множества контролей и регистраций им разрешили остаться в Омеге. Родителями

тети дали работу, и они проявили там успехи. Отца с тетей даже взяли в школу, но вот только тетю почти сразу оттуда исключили, но мой отец остался. А после, во время переписей и проверок их семью считали просто «законопослушными горожанами Омеги», забыв о их настоящей родине и происхождении. Там, в той стране, мать тети и научила ее готовить.

Сейчас тетя работала в пекарне, которую держал один *элитный* мужчина, полный, как луна на ночном небе. Ей приходилось печь однообразные пирожные, а импровизация была строго запрещена. По рецепту толстого господина пирожные получались пресными, а начинка вытекала из них словно вода, хотя, по задумке, должна была быть кремом. За это тетя каждый месяц получала четыре золотые монеты – на них она покупала нам необходимую одежду. Помню, как я скрывала от тети, что у меня дырявые носки, лишь бы она не тратила целый золотой на такую, казалось бы, мелочь. О швейном наборе, даже одном мотке ниток, нечего было и мечтать. Их просто не продавали – чтобы мы почаще тратили деньги на обновки.

Тетя ненавидела эту работу. Но эта должность была единственной, на которую тетю взяли, а также давала прибыль, хоть и ограничивала права на воображение и проявление таланта. А талант у тети точно был.

Когда по талонам на выбор выдавали кое-какие «домашние» продукты, то есть те, что можно было забрать домой

и приготовить что-либо самим, или же, если не было такой возможности, съесть так, как есть, люди нарасхват тащили молоко (*вода с белым порошком и слабым усилителем вкуса*), дешевый по сравнению с пекарнями хлеб (*он был еще хуже по составу*) или овощи (*к среднему классу попадали худшие сорта; и так понятно, что лучшие шли к элите*), а в это время тетя выбирала яйца, заменитель сахара и муку. Она прихватила бы еще чего-нибудь для разнообразия, но по талону для среднего класса максимумом было три продукта. Вечером она кое-какстряпала кекс с яблоком, припасенным еще с обеда. Мы заговорщицки сидели в свете единственной лампочки, с удовольствием поедая маленькие лакомства, запечённые в микроволновой печи. «Конечно, это совсем не то, чем должно быть», – говорила она. – «Если бы я могла зарабатывать на таких своих увлечениях, как вязание, готовка по моим рецептам или решение sudoku за короткое время, то мы уж точно были бы счастливы».

В тот момент, сидя с тетей за одним столом и кушая еестряпню, я и так была счастлива.

Тетя сидит на темного цвета диване и курит. Увидев меня, она быстро тушит сигарету и открывает окно, извиняясь за задымленность в комнате. Комнатка очень тесна – телевизор, который, по решению Верховного судьи, должен стоять в каждом доме, дабы жители Омеги могли следить за новостями, диван, маленьких холодильник для хранения получен-

ных в пункте выдачи продуктов, микроволновая печь, старый ковер да раскладной столик с двумя табуретками. Есть еще небольшая ванная комната и спальня; в последней помещаются лишь две узкие кровати – моя и тетина. Тесно, но нам с тетей большего и не требуется.

Я снимаю обувь, тетя достает ужин из холодильника. Накрыв столик, мы садимся и приступаем к еде. Снова полуфабрикаты – ничего нового. Но хотя-бы что-то.

Я рассказываю тете, как прошел мой день, о новой прическе учительницы химии, жалуясь, что биологию заменили историей и так далее. Я ничего не говорю о происшествии во дворе. Тетя сегодня особенно молчалива. Обычно и она мне что либо рассказывает о работе, жалуется на полного господина или пирожные по его рецепту, которые «можно было сделать идеальными, затратив чуть больше продуктов – все равно их ест только *старший и превосходный класс*, – но нет, этот толстяк упрется, как осел, да еще как начнет ворчать!». Но она продолжала есть молча.

Дабы прервать повисшее молчание, я говорю:

– Тетя, знаешь, мы с друзьями решили поехать кое-куда...

Заповедник Трех Птиц был создан совсем недавно. Идея его основания пришла Верховному Судье после того, как на территории Омеги была найдена яркой окраски птица. До этого птиц в Омеге не водилось; было известно, что эту местность они покинули давно в силу разных обстоятельств.

Условия для птиц здесь были обыкновенными, благоприятными, но, несмотря на это, ни одной птицы не осталось поблизости. А когда один из работников лесопилки, прогуливаясь во время перерыва по лесу, заметил на дереве что-то синее – как позже выяснилось, средних размеров птицу, по книгам именованную синицей, правитель загорелся идеей создать первый в городе-государстве заповедник. Изначально он являл собой небольшой природный парк с огромной клеткой в центре, где и поместили синицу. Заповедник являлся просто сенсацией – о нем передавали на всех экранах, писали о нем в газетах и журналах, пока синица в клетке, конечно, всем не наскучила.

После длительного перерыва, когда, казалось, сам Верховный Судья забыл про существование парка с птицей, а о заповеднике не было ни слуху ни духу, в новостях упоминают о новых птицах, привезенных из-за границы. Неделю, пока птички проходят важный осмотр и готовятся к новой жизни, вся Омега замирает в напряжении. Всем интересно узнать, что происходит – что за птиц привезли, почему заповедник временно закрыли на «реставрацию», почему эти новости не поддаются огласке.

И вот, парк открывается снова, по имени Заповедника Трех Птиц. Его превратили в настоящий курорт – рестораны, спа-салоны, аттракционы для детей и взрослых, – но все эти функции, конечно, были в распоряжении высших классов. Но и низшие касты могли посетить Заповедник – отдохнуть

в парке, погулять и посетить главное чудо парка – трех птиц.

Для птиц построили вольеры, более удобные, нежели клетки, да и птицы чувствовали себя в них более свободно. Второй птицей оказался филин – его привезли агенты Лиги Крови с самого Северного Континента; третьей птицей был грач. Для наших предков, писавших о птицах в своих книгах, эти птицы казались обыденными, как облака на небе, но для жителей Омеги, никогда не видавших их прежде, они казались настоящим чудом. На маленькую синичку, приютившуюся на ветке дерева в своем вольере, с радостными криками указывали дети. Многих пугало, когда филин обращал на них свои огромные желтые глаза. А грач удивлял всех тем, что, когда солнечные лучи попадали на его казавшиеся в тени черные перья, они переливались множеством оттенков, от изумрудно-зеленого до янтарно-желтого. Заповедник Трех Птиц тщательно охранялся; здесь было даже больше камер и различных датчиков, чем в любом уголке Омеги. На самих птиц, чудных созданий природы, мог посмотреть каждый (кроме *неприкасаемых*, конечно), ведь вход в заповедник был бесплатный – разве что пройди регистрацию. Проблема состояла в том, как туда добраться. Заповедник находился на приличном расстоянии от центра города, ближе к лесу и границе. Не у всех «среднячков» были автомобили, не говоря уже об «*отщепенцах*». Но даже если нашел транспорт или деньги на него, это еще только половина дела. Вторая проблема – для того, чтобы добраться до Заповедника,

приходится проехать по Фабричной магистрали, дороге, по которой владельцы и работники едут до своих заводов. За проезд приходится платить пошлины; эти деньги перейдут в казну владельцев фабрик. Слишком много проблем, словно так и задумывалось...

Но с тетей мне повезло в двойне – у нее не только была машина, но она также знала другой путь до Заповедника. Ее знакомую взяли туда уборщицей – убирать за туристами в парке, – вот она и рассказала тете о другой дороге, малоизвестной. Она была не самой комфортной для езды, пролегая в горах, да и ехать по ней было на почти что целый час дольше, но это того стоило. Так, по крайней мере, считала сама тетя.

Давно мечтавая посетить заповедник, она согласилась. Как раз в этот момент мне на домашний телефон позвонил Артемий. Я рассказала ему и о согласии тети, и о короткой дороге. Все складывалось идеально.

Откуда же мне было знать, как это все закончится.

Утро официально начинается после протяжного гудка, означающего окончание комендантского часа. Встав с кровати, я тихо выхожу из спальни. Я решаю открыть маленькое окошко напротив экрана, по которому, включи я его, начнут показывать утренние новости. Из окна видно лишь маленький кусочек улицы и многоэтажные дома с облупившимися стенами. Снаружи светлее, чем в комнате, но солнце светит

не так ярко, скрываясь за тучами.

Я люблю середину осени. В начале, после лета еще остается эта жара и душный воздух, зато к середине погода становится не такой удушающей, а в воздухе чувствуется прохлада. Я выпускаю этот воздух в квартиру.

– Ты не замёрзнешь, девочка моя? – тетя подошла так неожиданно – я даже не слышала ее шагов, что даже вздрогнула. Осмотрев себя, я вспомнила, что одета лишь в просторную ночную рубашку. Холодок после осознания словно стал сильнее, и я почувствовала его всем телом, покрывшись мурашками.

– На улице ведь так свежо...

– А ты вся дрожишь! – тетя прошла мимо меня и захлопнула окошко, – Вот заболеешь, и что мы будем делать? Где возьмем лекарства? Эти дурни, что раздают все лишь по талонам, вряд ли окажут нам услугу.

Я быстро умылась холодной водой, которой хватило лишь на три минуты, ибо после этого начинала течь грязно-оранжевого цвета жидкость. Одевшись, мы с тетей взяли вещи и отправились в *пункт выдачи* – завтракать.

Система приема пищи в Омеге чересчур сложна. Утром, перед отправкой в школу или на работу ты идешь в *пункт выдачи* (они есть в каждом районе – пойти можно в любой). Там тыходишь к стойке, твой большой палец сканируют и ищут тебя в базе данных. Там отмечено все о тебе и о том, какую еду тебе положено выдать, включая сведения о тво-

ей аллергии, а у *старшего и превосходного класса* и о предпочтениях (например, вегетарианец ли ты или о том, что не любишь помидоры), а также число твоих талонов на обед. Число талонов зависит от того, как ты проявил себя в школе или на работе, как потрудился и какую оценку получил. Например, разберем идеальную ситуацию – ты получил оценку «5» в школе (либо твой работодатель оценил тебя на «5»). Тебе выдают пять талонов. Один во время обеда ты меняешь на основное блюдо, один на салат/закуску, один на напиток. У тебя остаются еще два талона на вечер. Затем ты завтракаешь тем, что дадут и идешь по своим делам. Во время обеда, когда во всех учебных и рабочих заведениях объявляется перерыв, ты вновь идешь в *пункт выдачи*, только уже с талонами, которые тебе выдали с утра. Вновь получаешь еду, ешь и отправляешься обратно на работу. После школы либо работы ты идешь домой, по пути забегая в другой пункт – *пункт обмена*. Здесь, если таковые имеются, ты обмениваешь оставшиеся талоны на продукты (для *среднего класса*: один талон на три продукта) или готовые блюда (для *среднего класса*: по одному основное блюдо и на гарнир). А *превосходный и старший классы* имеют еще и ужин.

Пункт выдачи либо является отдельной постройкой, либо находится внутри какого-либо здания. В многоэтажном здании, где мы с тетей жили, был свой *пункт* на втором этаже. Внутри стоят столы, пяти цветов – сначала синие, обозначающие младший класс, затем ряд зеленых – средний класс,

потом желтые для старшего класса (уже из крашеного металла, а не пластмассы, как до этого) и оранжевые для элиты. В самом последнем ряду стоят столы из красного дерева для членов Лиги Крови. Кстати, для каждой касты предназначена своя стойка выдачи еды, также обозначенная своим цветом.

Мы с тетей подходим к стойке зеленого цвета. Толстая контролерша по очереди простит людей из очереди приложить свои большие пальцы к сканеру, а затем отдает приказы своему помощнику, который выдает еду. К слову, в некоторых пунктах выдачи уже стоят аппараты, совершающие автономную выдачу еды. Пройдя все процедуры, мы взяли талоны и подносы с едой и сели завтракать.

В тот день он был как, впрочем, и всегда: варево из крупы, скучно похожее на кашу, и кусочек черствого засохшего хлеба (Зоя говорила, что нам его дают из остатков со столов элиты). Тетя получила чашечку черного порошкового кофе, а я – стакан воды, ибо «кофе вредит детскому организму».

День поездки, к нашему разочарованию, оказался пасмурным и серым, как раз такая погода, когда, кажется, вот-вот пойдет дождь, но его все нет и нет. Несмотря на это, синоптики полностью отрицают вероятность дождя. Что же, они и до этого предсказывали солнечный день.

Мы встретились возле автобусной остановки около того самого многоквартирного здания, где и жили мы с тетей.

Зоя, как обычно, полностью закрыла все свои неустойчивые к холоду части тела одеждой: свитер со слишком длинными рукавами, закрывавшими ладони, джинсы, высокие сапоги, шарф, под которым скрывалась не только шея, но и половина лица, и вязаный черный берет. Позже к ней подойдет один из гвардейцев Лиги Крови и попросит открыть лицо, внимательно осмотрит, сделает снимок лица, просмотрит его в базе данных и лишь после этого убедится, что она не является преступницей или шпионкой. Артемий и Егор тихо посмеются над недовольным лицом Зои, шепчущей оскорбления в адрес удаляющегося гвардейца, а я лишь с улыбкой пожму плечами. Такие вот у нас правила.

Тетя завела машину, слегка откинула свое сиденье назад, не слишком сильно, но под комфортным углом, – как она любит. Я сяду рядом, впереди, а Зоя с Артемием и Егором усядутся сзади. Им будет не очень тесно – известно ведь, что *«среднячки»* недоедают, и полных среди них точно нет. Тетя громко включает музыку, пожелав всем хорошей дороги. «Все дороги ведут в Омегу», – воскликнет один из девизов Егор. – «А в Омеге не может быть хорошо», – дополним мы хором нашу версию этого девиза.

Как много знаков было по пути! Звук грома, блеск молнии, но отсутствие дождя. Артемий, твердивший, что мы зря поехали именно сегодня, в такую погоду. Зоя, убеждавшая, что это не его вина. Тетя, которая была вновь странно тихой, глядящей лишь на дорогу вместо того, чтобы поддер-

жать разговор, была погружена глубоко в свои мысли. Но, что самое главное, я не обратила внимания на грузовик, который ехал той же дорогой, что и мы. Как до меня не дошло, что он выглядел уж очень подозрительно? Возможно, я просто убедила себя, что все в порядке вещей, так и должно быть. А потом Зоя со скуки предложила подпевать песни по радио...

Все произошло быстро. Артемий приготовился изображать элитного оперного певца Омеги, чья песня звучала в тот момент. Егор с Зоей не могли остановить свой смех, тетя тоже улыбнулась, но как-то таинственно, и я на нее засмотрелась. Она глядело прямо, на дорогу, а на лобовом стекле замелькали капельки дождя. Тетя заметила, как я разглядываю ее лицо, улыбку, белизну зубов. Она ловит мой взгляд и смотрит мне прямо в глаза, продолжая улыбаться.

Никто не заметил, как тот самый грузовик внезапно оказался сбоку и на скорости сбил нас с трассы.

Глава 4.

Воспоминание. Моросит мелкий дождик. Его капельки холодные – будто не вода, а тысячи ледяных иголочек бьют по лицу. Я вижу темное серое облачко, клубящееся над моей головой – туман? Нет, это дым, а в воздухе чувствуется запах горелого. Внезапно становится очень жарко – это греет пламя огня. Я замечаю его лишь сейчас, как языки пламени лижут металл, который теперь, словно мусор, разбросан вокруг. Разве мог весь этот металлолом когда-то быть тетиной машиной? Вряд ли. А может, и мог. А где же тетья? Я слышу ужасающе громкий гул, но не могу понять его источник. Передо мной мелькает мужское лицо, кто-то берет меня на руки. Артемий? Нет, у Артемия волосы светлые, а глаза зеленые. Может, Егор? Руки опускают меня на мягкое сидение, и я отключаюсь. В сознании мелькают лишь огоньки фар, похожие на большие, яркие как солнце, звезды...

– Где это я? – первая мысль, мелькнувшая после моего пробуждения.

Я с трудом раскрыла слипшиеся глаза, которые порылись клееобразной коркой. Странная белая комната предстала передо мной. На этом чисто белом фоне ярко выделялась фигура в черном. Парень лет шестнадцати, почти мой ровесник. Кто он такой?

– Лежи, – сказал он. – Тебе нужно отдохнуть.

В этой просьбе не было надобности – я не могла пошевелить ни единой своей конечностью.

– Где мы? Где моя тетя? – от непонимания я словно впала в детство. Мне нужна была только тетя, мне хотелось домой.

– Она... скоро придет... – и после паузы: – Хотя зря я это сказал.

Я начинала смутно что-то припоминать. *Дождь, металл, пламя...* Осознание пришло внезапно: *авария.*

– Где они? Где тетя? Где Артемий и Егор? Где Зоя?

– Они были с тобой в машине? Мне очень, очень жаль. Но... – он очень громко сглотнул, и, поколебавшись, наконец вымолвил: – выжила только ты.

Я его будто и не слышала. Меня затошнило.

– Кто ты такой?

– Я – твой друг.

– *Кто ты такой?!* – мой голос перешел на хрип, – Я тебя не знаю. Уходи, вон!

– Но я хочу тебе помочь...

– Оставь меня в покое. Уходи!

Он вышел. В тот же момент меня вывернуло наизнанку прямо на безупречно белый пол.

На улице шел не просто дождь, а настоящий ливень. Вода текла, как из ведра, затопляя под своей массой шумный город. Тяжелыми громоздкими каплями плакало небо, словно

так же глубоко раненое в душу, как и я.

Их больше нет. Выжила только я.

В ушах до сих пор стоит ужасный гул, такой пугающий, завывающий, оглушающий. В нем перемешались треск огня, вой ветра и удар молнии, лязг металла и звон столкновения. Перед глазами стоит картина в черных, кроваво-красных тонах, озаряемая вспышками и светом языков пламени. Авария.

Парень в черном рассказал мне, как это случилось, хотя я и сама уже догадывалась, ведь сама пережила то происшествие. Грузовик сбил нас с дороги, и наша машина катилась со склона в глубь ущелья, вертясь и переворачиваясь, а, достигнув дна, мгновенно вспыхнула. Даже капающий дождь не смог препятствовать огню. Вертолет с моими спасителями прилетел почти сразу же после случившегося, – они как раз пролетали мимо и все видели. Шансы на выживание, по их мнению, были нулевые.

Но я выжила. Это просто чудо. Во время аварии я чувствовала, что смерть совсем рядом, уже ощущала ее дыхание своей спиной. Я чувствовала удары о кресла, окна и крышу, царапины от осколков, получаемые синяки и хруст сломанных костей. Боль была жгучей, словно по кровеносным сосудам пустили раскаленное железо. Тело будто превратили в кусок теста и приплющили, совсем как тетя, когда делала свои кексы. В моих представлениях я была похожа на истерзаный, побитый кусок плоти, обожжённый огнем, которому

еще долгое время приходиться в норму.

Какого же было мое удивление, когда два дня спустя я уже стояла на ногах напротив зеркала. Лишь только рука была замотана эластичным бинтом от растяжения, да несколько пластырей по всему телу, скрывающие небольшие царапины.

Парень в черном говорил мне об этом. Он был истинным борцом: уверенное в себе лицо, крепкие руки и тело, курчавые темно-каштановые волосы. Кого-то он мне напоминал, но только мне никак не вспомнить, кого.

Пока я лежала в больничной палате, он ежедневно меня навещал. Приносил еду, пытался завязать светский разговор. Я противилась. На третий день он сказал, что его зовут Андреас. На вопрос о моем имени я лишь отвернулась. Он выглядел так, словно все обо мне знал.

Он пообещал, еще в тот первый день, что я поправлюсь очень быстро, оглянуться не успею. И предсказание сбылось. Почти полностью здоровая, окрепшая. Способная возвращаться к привычной жизни... Или нет.

Дождь барабанил по окну, а ветер все дул, подгибая под собой деревья. Погода негодовала; негодовала и моя душа. Как оставаться спокойной, когда все твои близкие погибли, а ты одна выжила? Один шанс на миллион, и он достался мне. Может, за ним крылось некое предзнаменование, и мне следовало выжить ради какой-то великой цели? Бред.

Хотя с моей мамой было так же. В детстве она чуть было не сорвалась с крыши, – ее выгнали из школы, ее мать забо-

лела Вороньей лихорадкой, а отец сбежал от них еще давно. Она не видела смысла жить дальше, но чудом была спасена. Не рассчитав прыжок, она упала в бассейн элиты, а на новый прыжок от страха не решилась. Об этом я узнала из газеты, где разместили ее биографию. Она выжила, чтобы сотворить великое дело, на которое была способна лишь она – поднять людей на восстание. Забудем, ведь она поплатилась за это жизнью.

Но я не просто спаслась из когтей смерти и выжила там, где не выжил никто, но еще и небывалым образом исцелилась от всех ран за пару дней, когда нормальному человеку на это потребовались бы месяцы. Может быть, я *ненормальная*?

Об этом стоит спросить у парня в черном. Наверняка ему снова удастся дать ответы на мои вопросы. Как я так быстро пришла в норму и исцелилась? Возможно, новое невероятное лекарство от всех ран? Почему вообще я выжила? Почему все – тетя, Зоя, Артемий, Егор – погибли, а я, черт возьми, выжила?

К сожалению, в этот день проведать меня пришел вовсе не Андреас, а врач. Когда он увидел меня, то совсем не удивился. Не скользнуло в его лице ни капли удивления и тогда, когда он проверял мое состояние, значительно улучшившееся. Словно для него это было не в первый раз, словно так и должно было быть. Проверив важнейшие органы чувств, а также части тела, получившие наиболее серьезные повре-

ждения, как рука, которой я еще вчера не могла пошевелить, он записал свои заметки в папку, что принес с собой. Уходя, он сообщил, что уже сегодня вечером меня выписывают из больницы. Так и оставил, ошеломленно смотрящую ему вслед.

В тот момент сердце мое подскочило от осознания всей ситуации. Передо мной стоял вопрос, ответ на который я найти не могла, отчего меня и бросало в дрожь. *Что мне теперь делать?* Мне было некуда идти.

Я понятия не имела, в какой больнице нахожусь. Она не была схожа изнутри ни с одним местом, где мне удалось побывать, а вид из окна мне ни о чем не говорил. Когда наконец-таки вышло солнце, я разглядела, что находилось вокруг. Окно выходило на просторный дворик, засеянный различной зеленью: кустарниками, цветущими пальмами и прочим. Такой красоты пейзаж редко встретишь где-то в городе – словно картинки из моего учебника по биологии вдруг ожили и поселились во дворе. Я заключила, что больница находится где-то за *городом*, а главное – не является больницей для низших каст. Аккуратное убранство палаты, стерильность и новейшее оборудование говорили о том, что больница предназначалась для состоятельных людей из касты *элиты*.

Из этого вытекали еще два заключения: либо это была ближайшая больница, куда меня могли доставить, либо тот, кто доставил меня сюда, принадлежал к элите общества.

Встречный вопрос: зачем? К чему состоятельному незнакомцу спасать девушку из *среднего класса*, привозить в элитную больницу? Ведь чтобы мне оказали лечение, он должен был утвердить свою личность и принадлежность к высшей касте через базу данных.

Является ли Андреас тем незнакомцем из *элиты*? Он ли спас меня в тот роковой день? Поедая лечебный суп-бульон, я размышляла об этом. Я должна, обязана вновь его увидеть и расспросить. Заплатил ли он за мое лечение? Знал ли, к какой касте я принадлежу? И если да, то зачем помог мне?

И еще я пожалела, что была без сознания, когда он катал меня на вертолете.

Мне повезло – моим вечерним гостем, а как позже оказалось, и провожатым по выписке из больницы оказался никто иной, как Андреас. Он вошел без стука, внезапно ворвавшись в комнату, как ветер при сквозняке, а я даже представить не успела, что было бы, застань он меня не сидящую в тишине, а за каким-либо неловким делом (к примеру, переодеванием – кто-то оставил мне чистую одежду в шкафчике, предназначенном для личных вещей). Вместо обыкновенного приветствия, он саркастически усмехнулся и воскликнул:

– Надо же, мы больше не рыдаем круглые сутки, валяясь в постели!

Каждый раз, когда являлся Андреас, я либо предавалась воспоминаниям, с горечью и слезами на глазах, размышляя о

неизвестном будущем и навсегда потерянном прошлом, либо просто спала. Несмотря на правдивость заявления Андреаса, меня укололо его замечание.

– К вашему сведению, я не все время плачу, – попыталась отговориться я. – но, когда все ваши родные погибают, а сами впадаете в безвыходное положение, здесь волей-неволей впадешь в отчаяние.

– Спокойнее, я понимаю, – он поднял руки ладонями ко мне, словно отгораживаясь. – Не хотел тебя обидеть. И не обязательно обращаться ко мне на «вы». Можешь считать меня своим другом.

– С чего это мне тебе доверять?

– Ого! Ты сказала «тебе»!

– Это не меняет суть вопроса.

– Хорошо. Ответ: потому что я тебя спас.

Не самый веский аргумент. Но и ничего плохого он мне за все это время не сделал.

– И кто ты такой? Сколько лет?

– Я уже сказал – я Андреас. Мне шестнадцать, если тебя это так волнует. День рождения в конце сентября, знак зодиака ве...

– Мне это знать не важно. Какая каста? Род занятий?

– Это допрос?

Я тяжело вздохнула и с упреком посмотрела на своего собеседника, скрестив руки на груди.

– Ладно. Рано или поздно ты бы все рано узнала. Я должен

был быть на самом верху, рядом с отцом, но выбрал другой путь. Я член Лиги Крови.

Сынишка Верховного Судьи. Сын убийцы моей матери и самого ненавистного мне человека в Омеге. Сама судьба подсунула мне такую компанию.

– Спас меня, когда на своем вертолетике катался?

– Мы следили за пожарной безопасностью в лесу и горах. К нам, в последнее время особенно, часто поступают сигналы бедствия оттуда.

Почему-то мне стало немного стыдно. Имела ли я вообще право с ним разговаривать, да еще и в таком тоне? Явно, что меня должны были наказать за это еще давно, когда я нагрубила ему в первый раз.

– Я из *среднего класса*, – неожиданно тихо сказала я. – Мое имя Гликерия. Но все зовут меня просто Ли́ка.

– Приятно! – он протянул руку, как при знакомстве, и мне пришлось ее пожать.

– И у меня день рождения тоже в конце сентября, – сказала я, сама не зная зачем.

– Случайно, не тридцатого?

– Именно в этот день.

– Тогда давай пять! – я хлопнула по его вытянутой ладони, чувствуя себя при этом очень и очень странно. Я общалась с *ним*, сыном Судьи и членом Лиги Крови на равных, словно мы были старые друзья.

– Не смущайся, – сказал Андреас, прочитав по моему ли-

цу. – Лучше привыкай. Еще много времени нам предстоит провести вместе.

Он взглянул на свои наручные часы. Электронные. Скорее всего, подарок отца.

– Твоя выписка заканчивается. Нам пора.

– Мне... некуда идти. Отца и матери у меня нет, а тетя...

– Не переживай, ты отправляешься с нами.

С кем это «с вами»? Я так и не озвучила этот вопрос, потому что уже догадывалась. *Такого быть не может. Пожалуйста, только не это.*

– Одевайся, – скомандовал Андреас. – Я буду ждать снаружи.

Хлопнув дверью, Андреас вышел, так и не дав мне произнести ответ. Что, если я не хочу идти с ними? Я его лично знаю всего пару дней, но доверять ему полностью до сих пор мне казалось опасно. А тем более другим, совершенно незнакомым членам Лиги Крови... Под маской может скрываться кто угодно. Но выбора у меня нет, больше идти некуда. Я сирота и не имею крыши над головой (если брать в счет то, что меня уже выписали из больницы). Я беру одежду из шкафа, где ее, как я и догадывалась, оставил Андреас. Это обыкновенный серый свитер, чуть больше моего размера, и черные джинсы. Рядом стоит пара кроссовок, видимо, с чужой ноги, но идеально мне подходящих. Одевшись и, заколов спутавшиеся волосы в пучок на голове, я вышла из палаты.

Увидев меня преобразённой, Андреас рассмотрел меня с головы до пят. Заметив поношенные кроссовки, он покачал головой, бормоча чье-то имя. Мне он сказал:

– Ты прости, другой одежды, видимо, не нашлось. Обычно среди нас не бывает столь... хрупких девушек.

Андреас попросил меня следовать за ним, и мы зашагали по чистому, просторному коридору к выходу.

У выхода из больницы стоял массивный фонтан из бронзы. Именно напротив него остановились мы с Андреасом. Он предложил мне сесть на край перегородки фонтана, словно рядом не было ни скамейки, ни другого места, куда можно присесть. Мы устроились на холодном камне, ожидая, как сказал Андреас, машину.

У входа в больницу я прочла табличку: «Загородная клиника для членов высших каст». Клиника для элиты, как я и думала.

– Не прошло и недели, а я уже на ногах, – прервала я повисшее молчание. – Хотя, как я сама чувствовала, а потом даже уточнила у доктора, у меня были многочисленные переломы и ушибы, а также разорваны мелкие капилляры. Можно мне узнать, что происходит с моей жизнью?

– Именно поэтому я попросил машину подъехать попозже – чтобы поговорить, – ответил Андреас. Неожиданно он спросил: – А что ты знаешь о Лиге Крови?

– А что я могу знать? – я пожала плечами. – То же, что и все. Это команда для защиты Омеги, гвардия Верховного

Судьи. В состав входит около четырехсот человек, наверное. Говорят, что в эту суперкоманду очень трудно попасть. Вот и все.

– Да брось, – фыркнул Андреас. – Мы же друзья, помнишь? Ты можешь мне доверять. Наверняка ты знаешь что-то еще.

Меня смутили эти его слова. Он чего-то от меня допытывался, понять бы, чего именно... Подумав, я решилась и прошептала:

– Необыкновенные способности?

– Именно! – вопреки моим ожиданиям, сказал он. Я уже думала, что Андреас посмеется надо мной. Надо же, суперсилы оказались реальными? – Это только кажется, что нас много. Настоящих членов Лиги Крови – обладателей способностей – не более сотни. Их называют *сверхлюди*, но этого названия почти никто не знает и никогда не слышал. Остальные члены Лиги – так, для охраны города и слежки за порядком. Лишь корочка. Мы называем их «охранники». В настоящую же команду попасть и вправду очень трудно. Она была создана относительно недавно – лет двадцать назад, незадолго до того, как место главы государства занял нынешний Верховный Судья. Знаешь, один какой-то поэт, он еще автор гимна, написал про нас абсурдное на первый взгляд стихотворение, вот только оно имеет смысл. О том, как Верховный Судья сотворил мир среди хаоса, и в подарок за это природа даровала ему защитников – людей с небывалой силой,

выносливостью и...

– Ты меня прости, что перебиваю, но меня сейчас стошнит.

– Ты дослушай, – посмеялся он. – Эти люди рождались с этой способностью, эта сила была у них в крови. Потому-то их и называли Лигой Крови. А еще говорят, что иногда среди них, очень и очень редко, попадаетесь необыкновенный человек, который не просто имеет все те качества, что и остальные члены Лиги. Он, или она, имеет дар, способный излечить любого. Скажем банально – дар исцеления.

Дыхание перехватило. Мир вдруг стал вращаться с удивительной скоростью. Вспомнились парень во дворе школы, мое выздоровление...

– Ты хочешь сказать...

– Так и есть. Ты – не просто одна из нас. Ты – *целитель*.

Глава 5.

Где вновь был мой выбор?

С детства я мечтала оказаться в другом месте, в другое время, но только не в Омеге. Она отняла у меня родителей, заставляла мою тетю делать то, чего она делать не хотела, а меня – ходить в ненавистную школу (уж легче было бы заниматься дома) и преклоняться перед человеком, который сделал наши жизни такими – жалкими и бесполезными. Я так и не выучила даже гимна Омеги – наш символ, якобы поднимающий дух народа. Когда мы пели его в школе на общественных мероприятиях, я просто открывала рот, как рыба, не издавая ни звука. Мне снились сны о том, как ночью я, словно бесшумный ветерок, врываюсь в спальню Верховного Судьи и обрываю его жизнь. Но эти сны иногда превращались и в кошмары – когда в конце меня ловил гвардеец Лиги Крови. Тот самый, с разными глазами.

Назвать меня патриотом, зная, что творилось в моем внутреннем мире, было невозможно. Но открыто, в отличие от матери и других повстанцев, я своего гнева не проявляла. Со стороны я выглядела обыкновенной девушкой, чуть грубой, но, как сказал Артемий, с кем не бывает?

Но как можно было сдерживать свою ненависть и служить Омеге честью одновременно? Мне предлагали стать членом Лиги Крови, главной армии Омеги и самой верной гвардии

Судьи. И обделили выбором.

Так просто узнать, что в тебе скрывается небывалый потенциал, что обладаешь невероятной силой, но так тяжело смириться. Как это странно со стороны – такой хрупкой, ничего не смыслящей в политике и военном деле девушке нечего делать в армии, Лиге Крови. Не может же река жизни так резко и просто свернуть в другое русло?

Другое дело, если я буду просто врачом, *целителем*. Поживу немного в роскоши, как член второй касты – касты Крови. Как надоест – я найду способ и сбегу. Я все спланирую. Узнаю у других членов Лиги какую-либо информацию. Например, у тех, что отправляются на границу или, реже, за нее. И покину этот город-государство.

Так намного лучше.

Мы ехали в машине по широким дорогам, за которые с других классов берут огромные пошлины. На большой, новой машине. Водитель был лысый, лица я его не видела – я сидела сзади, а его лицо все это время было устремлено на дорогу. Андреас сидел рядом.

– Мы отправимся в главное здание Лиги Крови, – сказал мне Андреас. – Там находят пристанище все немногочисленные обладатели необычной силы. Дом Крови станет и твоим домом в скором времени, даже не отрицай. Тебе там понравится.

Огромнейшая башня Верховного Судьи являла собой

невероятной высоты здание, отлитое из стекла и камня. Она находилась немного поодаль города, на огороженной, как сама Омега, стенами территории. Яркими бликами отражалось солнце от стеклянной башни и слепило глаза. Казалось, словно башня была стеклянным замком, переливающимся различными цветами и светящимся издали. С дальнего расстояния могло показаться, что она одна-одинешенька стоит там, на закрытой территории. На самом же деле там, за Малыми стенами, находилось пять строений. Ближе к краю находилось многоэтажное здание серо-орехового цвета, принадлежавшее целиком и полностью Лиге крови. Еще здесь была белая, скрытая густыми зарослями, вилла – дом Верховного Судьи, где он проживал в гордом одиночестве, не считая, разве что, пары слуг. Четвертым зданием была небольшая башня, где собирались важные «шишки» Омегы, а в последнем, куполообразном строении находилась конференц-комната Судьи, место, откуда он вершил законы – Зал Суда. А самая высокая во всей Омеге башня, штыком упирающаяся в небосклон, была построена по просьбе самого Судьи. Она была объявлена достопримечательностью и символом Омегы. Но проку от нее не было. Почти никто не знал, что там внутри.

– Почти ничего, – ответил мне Андреас, когда я спросила. – Только многие члены превосходного класса любят забраться на самый верх и посмотреть на Омегу. Все.

Свое здание Лига Крови прозвала «Дом Крови». Назва-

ние это так привязалось, что фигурировало даже в официальных документах. *Охранники*, кстати, там не бывали. Только *настоящие* члены Лиги.

На первом этаже Дома крови передо мной предстал просторный холл куполообразной формы. «Наша гостиная», – сказал Андреас. Широкий и светлый, холл уходил ввысь сводчатым потолком с необычной янтарной росписью. С потолка свисала, словно гроздь винограда, массивная люстра, так же инкрустированная янтарем. По периметру были расставлены диванчики, стеклянные журнальные столики и стойки с компьютерами, за которыми сидели члены Лиги Крови и напоминали информаторов, готовых ежеминутно тебе помочь и что-то рассказать. Огромные окна пропускали в гостиную свет, а видом своим выходили на тренировочное поле. Пол был устлан светло-кремового цвета ковром, настолько чистым и светлым, что наступать на него казалось преступлением.

Здесь же был и лифт.

– Я провожу тебя до твоей комнаты, – сказал Андреас, нажимая на кнопку вызова лифта. – Тебе стоит обжиться, отдохнуть после пути. Уже ведь вечер, прими душ, поспи, – открылись двери лифта, и мы вошли. Андреас нажал кнопку пятого этажа. – Утром, около девяти часов, за тобой зайдут.

Лифт тянулся вверх, а у меня душа словно ушла в пятки. Поездка на лифте была для человека среднего класса, при-

выкшего ходить пешком, словно аттракцион для малышей. Даже дух немного захватывало.

На этаже мы прошли по узкому коридору. С обеих сторон в шахматном порядке располагались двери. Остановившись у двери с номером тринадцать, Андреас протянул мне ключ.

– О тебе уже многим известно, но только как о целителе, – пояснил Андреас перед уходом. – Завтра тебя со всеми познакомят, всем тебя представят. Экскурсию тоже проведут, не переживай. Даже презентацию подготовят. А пока...

– Готовься? – попыталась угадать я.

– Нет, – покачал головой Андреас, закрывая за мной дверь. – Чувствуй себя как дома.

Комната в действительности оказалась светлее и уютнее, чем мне представлялось. Молочного цвета стены, паркет темно-коричневого цвета, почти черного, такие же, как и в *гостиной*, большие окна, где уже во всех своих красках разгорался закат. Сейчас только лучи солнца являлись источником света в комнате, но я уже заметила люстру на потолке, по форме похожую на бабочку, две лампы у кровати и одну на столе. Еще один стоячий абажур спрятался в углу. Одна огромная комната, и целиком моя! Из мебели убранство комнаты составляли кровать, расположенная у левой стены, письменный стол напротив нее, два узких шкафчика с открытыми полками, один шифоньер (такое название я вычитала в одной из старых тетиних книжек), предназначенный

для одежды, и простая дверь, которая вела, видимо, в ванную. Кровать была застелена сверху мягким пледом, как покрывалом; на ней было очень много подушек, от больших и маленьких до узких и почти плоских, как лепешка. Присев на край кровати, я провалилась в мягкость перины, как в песок. Еще раз оглядела стол, где стояла телефонная трубка и висел список телефонных номеров, а также сложены листы бумаги и разная канцелярия. В одном узком шкафу стояло несколько книг – подойдя и оглядев корешки, я поняла, что это учебники. Очень много книг по биологии, ботанике, медицине, химии, а также моей ненавистной истории. Среди них был даже учебник по самозащите. Второй узкий шкаф пустовал.

Открыв шифоньер, я увидела лишь банный халат, пару комплектов нижнего белья и ночную сорочку. Шкаф был пуст, а на дне его лежала записка:

Извини, одежды твоего размера у нас не было. Алина кое-что подобрала тебе из вещей, сказала тебе не бояться – они все новые, никто еще не носил. На след. день после твоего приезда тебе выдадут форму, а за одеждой потом съездим в город, обещаю.

– Твой друг Андреас.

Я удивилась, когда это он успел подготовить записку. Видимо, комнату готовили к моему прибытию задолго до моей

выписки. Они узнали, что я целитель ещё тогда, когда нашли меня. Ведь никто – *никто нормальный* – не выжил, а я ещё дышала. Мой организм способен восстановить себя сам.

За дверью, как я и думала, оказалась ванная: просторная, как и моя комната, выложенная плиткой, с раковиной, душевой кабиной и огромной ванной посередине. На полочках стояли различные гели, шампуни и лосьоны, несколько видов мыла с разными ароматами, травы и все прочее. Мне оставили даже новую зубную щетку, пасту и расческу.

Недолго думая, я приняла горячий душ, долго, наслаждаясь, постояла под горячими струями воды, вымыла голову шампунем с приятным запахом и впервые в жизни высушила волосы не естественным путем, а с помощью фена.

Одевшись в сорочку, оставленную мне в шкафу, я расстелила постель и улеглась на самый удобный в этом мире матрац, укрывшись самым уютным одеялом. Ощущая себя словно в облаках, я погрузилась в забытый с младенчества мирный, спокойный сон.

Утром меня разбудил телефонный звонок. К трубке подойти я не успела, но звонивший, точнее, звонившая оставила сообщение на автоответчике. «Привет. Меня зовут Алина», – прозвучал нежный, мелодичный голос. – «Я теперь, вроде, как бы ваш наставник. В общем, мне было положено зайти за вами, но когда после стука мне никто не ответил, я подумала, что вы спите и лучше позвонить. Я под две-

рю оставила сверток с одеждой – вдруг вы захотите одеть что-нибудь чистое. Как прослушаете сообщение, одевайтесь и выходите к лифту. Жду вас там». Сообщение закончилось.

Я, как и ожидалось, нашла под дверью то самый сверток. В нем была легкая черная кофточка и более светлые, чем те, что мне дали до этого, джинсы. Обувя не было – я одела те же кроссовки, что и вчера. Надо же! Раньше обновки я получала раз в месяц, и то тогда это были скорее всего носки, а предметы одежды тетя позволяла мне выбирать лишь на день рождения. А сейчас я переодеваюсь в новое каждый день! Взяв ключ, я вышла в коридор.

Около лифта меня ждала, к моему удивлению, обычная девушка-подросток. Каштановые волосы волнами спадают на плечи, зеленые глаза уставились в экран на стене, а на лице не было ни следа косметики, в отличие от всех женщин касты элиты. Я бы и не отличила ее от обычной девушки моего класса, если бы не красная форма члена Лиги Крови.

– Быстро же вы! – воскликнула она, увидев меня.

– Ко мне можно и на «ты», – смутилась я, но постаралась, чтобы слова мои звучали не грубо. – Мы же с тобой почти одного возраста, да и я не знатная особа.

– Судя по разговорам о тебе среди членов Лиги, я бы так не сказала, – улыбнулась девушка. – Меня зовут Алина, я *разведчик* Лиги Крови.

Она протянула мне руку для приветствия, но я была немного шокирована, что не заметила этого. Она же подума-

да, что я не ответила ей на приветствие намеренно.

– Прости, я немного взволнована, мне так давно не приходилось общаться с девушками, – продолжала она в растерянности. – Понимаешь, я не привыкла к общению, меня с детства окружали лишь мальчишки да наставники. Но теперь вот появилась ты!

Она оглядела меня с ног до головы, и мне тоже стало понятно, почему Андреас назвал меня «хрупкой». Мы с Алиной были единственными девушками подросткового возраста в Лиге Крови.

Я быстро опомнилась.

– Это ты меня прости за, – быстро сказала я ей. Не хватало ещё прослыть грубой девочкой-подростком среди Лиги. – Меня зовут Гликерия, но можешь звать меня просто Ли́ка.

Теперь я протянула ей руку, и она ее приветливо пожала.

– Я знаю, но все же мне приятно познакомиться. Ладно, пошли вниз. Все уже ждут.

Мы спустились на второй этаж, который Алина окрестила «этажом залов для собраний». Алина была старше меня на два года – ей недавно исполнилось восемнадцать. В Лиге Крови она была с детства. Ее удивило, что меня взяли именно в таком возрасте. «Обычно в Лигу берут с рождения,» – пояснила она. – «Или же с раннего детства».

Вот как значит! Оказывается я была не младше всех новоприбывших, а наоборот, старше. В необыкновенную касту берут с рождения! А меня-то не обучали с детства боевым

приемам, самозащите и всему прочему, потому я и была для них хрупкой, беззащитной девушкой. Алина была похожа на меня, ведь тоже выглядела слабой, но я знала, что это только так кажется. Не будь она сильной и смелой, не была бы сейчас здесь, в Лиге Крови.

Мы вошли в просторный зал для собраний, где собралось небольшое количество людей. На стене был огромный экран, напротив стоял длинный ряд столов и стульев. Возле одного из столов я заметила Андреаса. Он выглядел бодрым, готовым к подвигам. Увидев, как мы с Алиной вошли, он отложил папку, которую листал, и подошел ко мне.

– Привет! Как спалось?

– Нормально, – ответила я. – Лучше, конечно, чем... в моей старой квартире.

Сначала я хотела сказать «чем дома», но передумала. Дома у меня больше не было, как не было и семьи, друзей...

– Отлично! Потому что сейчас тебе придется смотреть и слушать очень внимательно!

Он повел меня в центр зала и, поймав общее внимание хлопаньем в ладоши, сообщил, что в Лиге Крови приветствуется новый *целитель*, коим являюсь я. Он сообщил залу мое имя и бывшую касту, а также то, что нашли меня только благодаря моему чудному дару исцеления. Мне послышалось несколько возгласов, от «Очень приятно!» до «Целитель! Такого просто не может быть!».

– Итак, – продолжал Андреас, обращаясь уже ко мне. –

Сначала я представлю тебя некоторым членам Лиги, в обществе которых тебе придётся работать в ближайшем будущем.

Андреас рассказал, что даже внутри Лиги, подобно тому, как и в самой Омеге, есть разделение на классы. Первая группа носит форму кроваво-алого цвета – *разведчики*. Они являются одними из самых обученных и сильных членов Лиги. Их миссия – выслеживать людей и оставаться незамеченными. Они посещают важнейшие мероприятия, подозрительные встречи и подобные события, всегда оставаясь невидимыми наблюдателями. Их способности – обостренные слух и зрение, невероятная скорость и выносливость. Все сведения они доставляют *генералам*. Последние носят форму темно-бордового, почти чёрного цвета и являются самыми высокочтимыми членами Лиги Крови. Все они старше остальных членов Лиги, а также являются приближенными Верховного Судьи, помогающие ему в правлении Омегой. Нашему народу врут о том, что Судья является единственным и неповторимым властителем города-государства, но на самом деле он лишь представитель власти, и все решения он принимает лишь после совета с *генералами*. Меры безопасности – Судья обезличен, не носит никакого имени, кроме звания Верховного Судьи, на публику является в маске, а о его советниках вообще никому неизвестно. А в *генералы* они были назначены самим главой, приняты в Лигу Крови для управления ею и наставления более младших членов. *Генералов* не много – всего пятеро. Третьей группой будут под-

польные – их форма бледно-красная, а специальность – компьютеры. Они следят за Омегой через компьютерную сеть и все электронные устройства. От них не уйдёт ни одно уклонение от нормы, ведь им видно каждую частичку города-государства через камеры. Если произошло что-то неправильное, но незначительное для Лиги Крови, можно легко послать, как они сами выражаются, «Лже-Лигу», то есть *охранников*. Форма их раньше мне казалась невероятно красной, но сейчас мне этот цвет кажется обманчиво-тусклым. Цвет моей формы, формы целителя, будет девственно-белым. «А как же оттенок красного? Он же у вас везде!» – спросила я у Андреаса. «Ещё успеешь запачкать его кровью», – ответил он. Правда ведь, он пошутил?

Далее же Андреас познакомил меня с моими учителями. Боевым искусствам меня обучит Сана – *генерал*, единственная, не считая Алины, женщина в Лиге, по необычной внешности которой я поняла, что предки её, подобно тетиним, были не из Омеги. Дети в Лиге обучались у Саны с детства, в группах, подобно тому, как проходят уроки в классах в школе. Учителем по естественным наукам, в числе которых будут биология и медицина, будет мужчина средних лет, тоже *генерал*, по имени Михаил. А истории и праву меня обучит не просто представитель Лиги Крови, а главный среди генералов, правая рука Судьи. По строгому взгляду Константина я поняла, что мне точно несдобровать.

– Теперь мы можем перейти к презентации, – обращаясь

не только ко мне, но и к другим присутствующим, сообщил Андреас.

Свет в зале погас, и мы погрузились в крошечную темноту. Вдруг неистово-ярким светом загорелся экран. На нем была изображена во всем своём величии башня Верховного Судьи. Презентация началась.

– Все мы – люди, и имеем пороки, – презентацию начал вести тот самый генерал с суровым взглядом, что позже станет моим историком. Вскоре я поняла, что голос звучит на записи. А я уже подумала, что он вещает в микрофон в настоящем времени – слишком уж темно в зале, ничего не разглядеть. – И в Омеге найдутся те, что будут делать что-либо неправильно, наперекор всем законам и правилам. И это – несмотря на пристальный контроль и правила, установленные для их же безопасности. Не говоря уже о том, на что способны люди за пределами Омеги – дикари, выросшие без правил и нуждающиеся лишь в захвате новых территорий и подчинении рас и народов. Для этого и была создана Лига – для смирения. Наш долг – защищать народ от таких напастей, как повстанцы или захватчики. В настоящее время именно они являются нашими главными врагами.

Всплыл следующий слайд. На нем был изображен какой-то митинг – люди вышли на одну из улиц центра города с плакатами в руках. На их лицах была выражена неподдельная злость, негодование. От такого количества лиц на фотографии создавалось ощущение тесноты и беспорядка, о чем,

видимо, и хотели сообщить зрителям презентации.

– Многие считают, что после *того самого* крупного восстания нам удалось искоренить проблему протестов. Но в последнее время противники идеологии Омеги возникают в разных уголках города. По отдельности, конечно, эти протестующие очень слабы и сделать ничего не могут, но стоит им объединиться...

На экране появилась следующая картинка – фотография кирпичной стены, а на ней надпись белой краской.

– Это появилось совсем недавно, за каких-то пару дней до этого. Конечно, пока это пустые угрозы, но, если совсем закрыть на них глаза, к добру это не приведёт.

Я еще раз прочла надпись.

Сначала была «Альфа», и вы думали, что победили. Но протесты вспыхивают огоньками повсюду. Скоро они перейдут в огромное пожарище. Грядет «Бета». И она будет страшнее всяких автоматов.

– М.

– Мы условно назвали этого человека «Мститель», – продолжил за представителем Андреас. – Он частенько оставлял подобные надписи на стенах города, очень близко к огражденной территории правительства. Видимо, хотел, чтобы мы увидели. Думаем, он передает сообщения от некой повстанческой группировки. Но самое страшное здесь то, что пока все его слова сбывались.

Далее пошла серия фотографий. На первой была похожая на предыдущую надпись.

Вы считаете, ваши охранники сильны? Они же ваше прикрытие, подсадные утки. Уткам надобно плавать в озере.

– М.

– На следующее утро трупы троих охранников нашли на берегу озера у границы, – напугавшим меня зловещим тоном заговорил Андреас. – Было еще множество случаев, – за его последующими словами шли фотографии надписей и доказательств происшествий. – То он говорит, что наши камеры бесполезны, а на следующие утро оказывается, что склад с продуктами, снабженный почти таким же количеством камер, как сама башня Верховного Судьи, оказывается разграблен. Затем скажет, что никто из нас вообще не замечает *неприкасаемых*. После этого поступят жалобы, что многие члены их касты пропадают без вести, а никто этого не замечает.

– Потому-то нам и страшен таинственный М. – дополняет Михаил. – Мы уверены, что он работает не один. Он просто сообщает нам обо всем, что эта шайка разбойников собирается делать. Мы считали, что это не самая большая проблема, до недавнего сообщения, – вновь появляется уже виденная мною фотография кирпичной стены. – Если он и в этот раз окажется прав, то нам стоит готовиться.

Что-то, что *страшнее всяких автоматов*. «Бета». Продол-

жение дела моей матери.

И я должна помочь помешать этому случиться.

– Пока что это главная проблема, над которой мы *все* работаем, – теперь голос Константина звучал вживую, не с записи. – Но есть и мелкие проблемы, одна из которых коснется напрямую тебя, – он смерил меня презрительным взглядом. – Одна из них – это проблема вирусов. То и дело вспыхивают на территории Омеги. Твой дар поможет их излечить, а сделать это нужно до того, как вирусы начнут распространяться. Я думаю, не стоит никому напоминать о вирусе Вороньей Лихорадки.

То был поистине ужасный для Омеги год. Население целой страны с несколькими городами сократилось до одного обособленного города-государства. Около пяти миллионов жителей проживало на территории Омеги до того, как обнаружился вирус. Воронья Лихорадка унесла жизни чуть более трех с половиной миллионов людей разных каст. Начиная со дня обнаружения первого пораженного вирусом, эта болезнь распространялась по тогда еще огромным территориям страны, поражая каждого четвертого, а каждый третий являлся бессимптомным носителем ее возбудителя.

Вирус впервые был обнаружен и исследован именно у ворон. Изначально Вороньей Лихорадкой заражались лишь звери и птицы, и он никак не передавался человеку. Даже симптомы у животных отличались – лихорадка била их уже

в конце первого дня, а на второй день они умирали. Воронья Лихорадка у животных была одной из причин их массового вымирания.

Вирус у людей был обнаружен уже много лет спустя. Первый случай заболевания был выявлен двадцать три года назад. Тогда эпидемию предзнаменовала стайка ворон, пролетевшая недалеко от границ Омеги. После этого случая ворон стали считать вестниками Лихорадки.

Вирус Вороньей Лихорадки передается воздушно-капельным путем или при контакте с больным, его одеждой и так далее. Вирус вызывает сильную лихорадку, головную боль, боль в спине, тошноту, поражение дыхательных путей. Через два дня появляется сыпь, распространяющаяся на все тело. На четвертый день больного человека рвет с желчью, а на пятый день (если не раньше) наступает смерть.

Вакцина против Лихорадки так и не была разработана. Возбудитель этого заболевания часто мутирует, что позволяет ему «обманывать» иммунную систему и тормозить ее работу. Сам организм не может побороть вирус, который мешает выработке антител, тем самым оставаясь не побеждаемым. Попытки ученых найти такую вакцину, которая смогла бы побороть вирус, не привели к успеху. Многие изучавшие эту болезнь ученые сами пали жертвами Вороньей Лихорадки.

Но, несмотря на неудачи медицины, спасение было найдено. Здоровые ограждались от больных, переселялись на но-

вые места, а после массовой миграции здорового населения на территорию бывшего города Альфа обнаружилось, что ни одного больного не осталось среди нового состава города. Границы страны пришлось сузить до города-государства и переименовать город в Омегу. Началась новая жизнь, болезнь как таковая больше не проявлялась – лишь более слабые вирусы редко вспыхивали в городе, и лишь только самые смелые готовы были покинуть Омегу дабы изучать вирус. Как я уже говорила, их попытки не обвенчались успехом. И мой отец был в их числе.

– Конечно, появление целителя в Лиге – событие очень важное и даже торжественное, – продолжал Константин свою речь. – Но, дабы нам окончательно удостовериться в твоём даре, тебе предстоит пройти испытание. В случае удачного прохождения испытания тебе будет обеспечено почетное место в Лиге Крови и повышение класса.

У меня душа ушла в пятки. Мало ли, что мне предстояло. Вспомнился случай во дворе школы. От одного моего прикосновения человеку становилось лучше, его организм восстанавливался под действием моей силы. Это было удивительно, и в то же время ужасающе. Кто я такая и почему могу делать то, что многие считают лишь фантастикой? Или правильной спросить *что я такое?*

– Когда мне следует его пройти? – спросила я.

Генерал молчал, словно не слыша.

– Думаю, что уже завтра, – ответил за него Андреас. – У тебя будет время подготовиться и настроиться на свои силы.

Я опускаю глаза, медленно киваю. Страх не проходит. Что, если у меня не получится? Лучше вообще ни о чем не думать, тогда и дар будет работать лучше. Я ведь не думала ни о чем и когда помогала тому парню, и когда залечивала собственные раны.

– Презентация окончена, прошу всех разойтись, – завершил *генерал* Константин.

Мои занятия начались сразу же после окончания презентации. И меня никто об этом не предупредил. Словно решили сразу закинуть меня в каминное пекло, зачем же долго ждать.

Сначала, правда, я прошла медицинское обследование, которое дало те результаты, что и стоило ожидать. Средних лет женщина-доктор, не *дарованная*, как выражался Андреас, проверила мои пульс и давление, смерила температуру, проверила работу рефлексов и тому подобное. Во время процедуры она смотрела на меня взглядом, полным презрения, но избегая глядеть прямо в глаза. Если я оправдаю надежды и войду в Лигу, она лишится работы, догадалась я. Зачем же Лиге Крови обычный человек, когда есть целитель, одним прикосновением излечающий все недуги. Не иначе, все результаты были положительными, все органы были в норме.

И готовы к тренировке.

К Дому Крови был пристроен огромный крытый спортивный зал, причем там же, на пристроенном втором этаже, стояли тренажеры. На подземном этаже, прямо под спортивным полем, был бассейн, а еще на этаж ниже – зал для стрельбы. На улице располагался под открытым небом стадион, где также были площадки для стрельбы из пистолета, автомата и прочего оружия.

Моя первая тренировка проходила на улице, на этом огромном открытом стадионе, готовым уместить хоть всех членов Лиги, включая сотни *охранников*. Сана, изначально показавшаяся мне приятной, красивой женщиной (единственной в Лиге, кроме Алины) в возрасте, со стянутыми в тугую пучок на затылке волосами и узкими глазами, оказалась совсем не такой добродушной на тренировке. Первым делом она заставила меня, вот так просто, без подготовки, бежать кросс в восемь кругов вокруг стадиона.

Зачем же *целителю* физическая подготовка? Я же, вроде как, должна лечить? А для этого особого физического труда не требуется.

– Если хочешь быть одной из *нас*, то должна быть выносливой, как мы! – будто читая мои мысли, кричала мне вслед наставница.

В начале второго круга я была мокрой от пота настолько, будто только что нырнула в озеро. Уверена, что запах от меня исходил не самый приятный, но мое дыхание во время бега было настолько сбивчивым, что мне не удавалось даже

вздыхнуть нормально. На шестом кругу у меня кружилась голова и темнело в глазах, и я бы даже упала в обморок, но мой организм *целителя* сам приводил себя в норму, отчего этого не удавалось. Уверена, не будь этого дара, я бы задохнулась уже на первом же круге.

После, когда я думала, что восемь кругов ада подошли к концу, предстоял девятый. Сана повела меня на площадку для стрельбы, где уже тренировались кое-кто из *разведчиков*. «В пример тебе», – сказала Сана.

Все они были молоды, не больше двадцати, но и не меньше семнадцати. И все – парни. Они по очереди вставали на площадке, брали оружие и метили в мишень на другом конце площадки. Когда я смотрела на то, как легко каждый из них прицеливается и, совершив оглушающий удар, попадает в центр, мне казалось, что это не так уж сложно. Я не догадывалась, что за спинами у них – годы тренировок и набранного опыта.

Из пистолета, выданного наставницей, я не попала и близко к мишени.

Хорошо, Сана поняла, что я уже больше ни на что не способна и мне требуется отдых. Она отпустила меня до ужина, намеченного в шесть часов. И правильно – я очень устала. Устала настолько, как не уставала еще ни разу в жизни. Тогда я еще не знала об одном из новооткрытых во мне свойств – мой организм очень быстро восстанавливает силы. Но тогда,

после первой тренировки, все мышцы болели так, словно их сжимали и мяли, как пластилин.

Я уже почти плелась по коридору до своей комнаты. В мыслях была только эта большая, мягкая кровать, что стояла там, у меня в комнате.

Поэтому, кажется, я и не заметила, что вошла не в ту дверь.

Захожу я, якобы в свою, комнату, но вижу, что она немного отличается. Одежда валяется тут и там, в комнате царит настоящий бардак, а шторы задернуты, и лишь только маленький луч пробивается сквозь щель. Я понимаю, что ошиблась, и собираюсь уходить. Но тут я вижу на полу, освещенную лучиком света, золотую медальку. Где-то я уже ее видела. Поднимаю с пола и разглядываю поближе, но не могу поверить своим глазам.

Положив вещицу на место, я выбегаю из чужой комнаты и бегу к себе. Всего на одну дверь ошиблась...

Глава 6.

Завтрак, обед и ужин проходили в огромном общем зале на последнем этаже. Это Алина зашла за мной вечером, когда я, усталая после тренировки, приняла душ и переоделась, и сказала, что проводит меня на ужин. Я шла за ней по коридору, когда по телу пробежала легкая дрожь, ведь я осознавала – мне предстояло впервые покушать среди высшего класса и отведать то, о чем я раньше могла только мечтать.

Двери лифта открылись прямо в роскошный зал прямоугольной формы, где высокий потолок был сделан из стекла, и можно было разглядеть небо, то ярко-голубое, в другое время же покрытое темной пеленой туч. По периметру зала располагались столики из того самого красного дерева, как и во всех заведениях города. Сейчас, в этой столовой, внимательно разглядев всех членов команды Лиги Крови, я с точностью могла заявить – все, кроме пяти *генералов*, были молоды, а точнее говоря – возраста то восемнадцати до двадцати трех лет. Среди них нет девушек, кроме Алины, потому что Андреас и не мог найти мне нормальные вещи.

Алина предложила мне сесть с ней за один стол. За каждым из столов умещалось по шесть человек – три на скамье с одной стороны, и еще трое – с другой. Но с Алиной трапезу делили только двое. Максимилиан был парнем средне-

го роста, что сидел, скрючив спину и надвинув свой капюшон почти на глаза, напротив меня. Он уставил свой взор в экран передатчика, который зачем-то принес с собой на ужин. Алина представила его как *самого лучшего из всех подпольных в Лиге*, но Максимилиана это, кажется, не очень вдохновило. Он лишь кивнул мне и сказал простое «Привет». Четвертым за нашим столом оказался малоприятный Роберт, пусть и очень красивый, и накачанный, но чересчур болтливый. Он не умолкал ни на секунду. Я не могла понять, как ему удается быть *разведчиком*, с такой длины языком.

– Гликерия... Такое странное имя! Твои предки, прости за грубость, ничего получше придумать не смогли?

– Может, моей матери очень нравилось это имя. Тебя-вот почему так называли?

– Мое имя в переводе с какого-то древнего наречия означает «блестящий от славы».

Алина закатилась хохотом, а Макс, как он сам попросил себя называть, даже не поднял глаз от экрана передатчика.

– И с какого же это наречия? – поинтересовалась я.

– Да не помню я! У мамки моей спроси, если встретишь.

Андреас, как сын самого Судьи, разместился шестым за столом *генералов*, по правую руку от Константина, которому всегда удавалось сохранять невозмутимый и полный строгости взгляд. Перед тем, как подали блюда, *генерал* встал, сосредоточил все внимание *молодежи* на себе, постучав ложкой по бокалу, и объявил итоги дня. Алина шепнула мне, что

у них такая традиция.

Генерал Константин еще раз сообщил о тайном послании «Мстителя», о предпринимаемых мерах, об успехах в каких-то неизвестных мне заданиях, а «на десерт» решил оставить сообщение обо мне.

– Еще раз хочу поздравить нашего нового *целителя* с прибытием в Лигу, – Константину без микрофона удавалось громко и ясно вещать на всю залу. – Последний раз удавалось нам видеть чудотворный дар лишь пять лет назад, пока последнего из наших *целителей* не настигла беда. О, ужасное было время. Но нынче все меняется!

Зал поразили аплодисменты, обращенные мне, но меня не настолько заинтересовали бурные овации присутствующих, сколько слова *генерала*.

– Мне не говорили, что я не просто *целитель*, а *единственная целительница* в Лиге Крови на данный момент! – сказала я Алине. Мгновенно осознала, что не видела еще ни одного человека в таком же белом (облегающем как вторая кожа) костюме, как у меня. – А что за *беда* настигла других?

Генерал Константин сообщил, что еду подадут в ближайшие минуты. Ни слова о предстоящем испытании.

– На веку существования Лиги было только три *целителя*, – ответила мне Алина. – Первого я даже не помню – вроде, погиб во время восстания. Вторым был один паренек, Вадим, но слишком слабеньким он был. Даже регенерации, подобно твоей, у него не было. Тог...

– Помню, помню, – перебив Алину на полуслове, вмешался Роберт. – Это же тот слабак, который еще в тебя влюбился!

– Неправда! – было видно, что Алина смутилась, а кончики ее ушей покраснели.

– Еще тебе любовные письма слал, а ты их в камине библиотеки сжигала! – не унимался болтун.

– А что с ним случилось? – спросила я, чтобы как-то отойти от этой темы влюбленности.

– Вадим, он... Он не смог выбраться с испытания. – начала Алина дрожащим голосом. – Это было подобие симулятора, такое упражнение, чтобы тренировать свои навыки, проходя различные ситуации из реальности. Это была симуляция восстания, но что-то пошло не так, и его там придавило аппаратурой.

– Ужас какой...

Сердце больно кольнуло. А что, если мое испытание будет проходить на таком же симуляторе?

– Но знаешь, что самое пугающее? – шепотом сказал Роберт. – Говорят, он погиб *точь-в-точь так же*, как и первый *целитель*. Только не на реальном восстании, а в его симуляторе. Это одно из самых черных дел Лиги Крови.

– Это, конечно, скорее страшилка, но факт остается фактом. И еще – о черных делах в слух не говорят, имей ввиду, – так же шепотом пояснила мне Алина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.